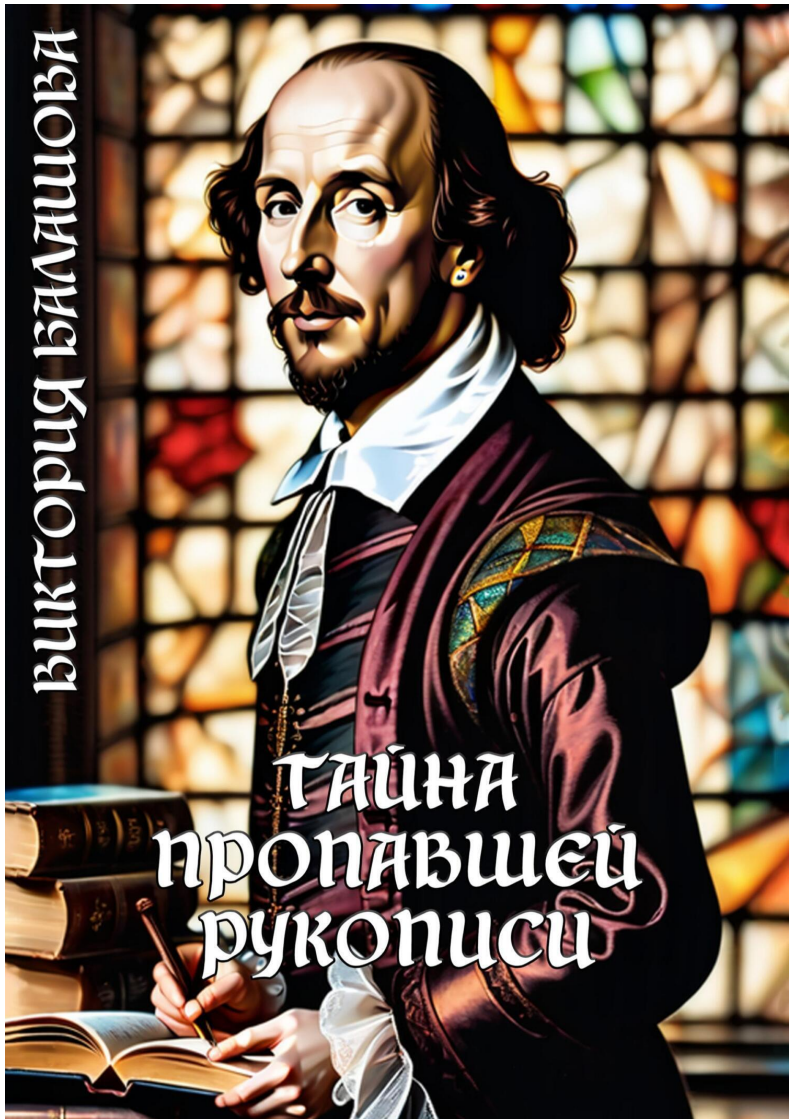

Викторија Валашова

ТАЙНА
ПРОПАВШЕЙ
РУКОПИСИ

Виктория Балашова
Тайна пропавшей рукописи
Серия «История Англии в романах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70008214

SelfPub; 2023

Аннотация

Кто и зачем охотился за сонетами Уильяма Шекспира? В кого он влюблялся и что разбивало ему сердце? Как творил и что привело его к решению вернуться в столь нелюбимый родной город? В романе делается попытка ответить на эти и многие другие вопросы. Любовная драма, детектив, исторические события – всё это можно найти на страницах книги.

Содержание

Лондон. Типография Филдинга. 1609 год	4
Лондон, Тауэр, 1558 год	9
Глава 1. Побег. 1588 год	17
Глава 2. Меж двух огней. 1592 год	48
Глава 3. Испытание. 1594 год	79
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Виктория Балашова

Тайна пропавшей рукописи

Лондон. Типография
Филдинга. 1609 год

– Я нашел их, отец! Я раздобыл эти рукописи, – Томас бросил на стол стопку исписанных мелким подчерком листов бумаги.

– Что ты опять притащил в типографию? – Торпу всегда было интересно, что принес сын, но по заведенной привычке он продолжал ворчать. – Очередные советы по обустройству сада?

– Отец! Я нашел сонеты Шекспира!

– Но, насколько я помню, он до сих пор жив, – съехидничал старик.

– Да, жив. Но при чем здесь это? – младший Торп пожал плечами.

– При том, что он никому не давал права публиковать сонеты. Шекспир писал их давно, лет пятнадцать-шестнадцать назад. Последние годы он сонеты забросил. К нему обращались многие с просьбой дать разрешение их опубликовать. Он был категоричен в своем отказе.

– Отец! Ты меня удивляешь. Многие из шекспировских пьес публиковали без его ведома. Да он и не единственный такой автор! Будто ты всю жизнь публикуешь лишь то, на что получаешь от авторов разрешение, – сын кипятился и не пытался скрыть раздражения, которое вызывали у него слова отца.

Торп с трудом встал из своего старого, выцветшего кресла и подошел к столу. Он осторожно взял в руки исписанные листки.

*Возненавидь, когда любовь умрёт,
Со всеми вместе. Будь моей бедою,
И жалость ты не принимай в расчет,
Когда стою с поникшей головою.
Когда увидишь, что не плачу я,
Не требуй победителю награды;
И после бури нет дождливей дня,
В который рай оборотился адом.
Не будь последним, кто меня оставит -
Ведь худшее свершится надо мною,
Хочу почувствовать вначале
Всю боль, что заготовлена судьбою.
И вот когда тебя я потеряю,
Другую боль уже не ощущаю.¹*

– Сонет номер девяносто, – произнес Торп медленно, про-

¹ Уильям Шекспир. Сонет № 90 (перевод автора)

читав его вслух, – это не его сонет, – он переворошил всю стопку. – Здесь их слишком много!

– О чем ты говоришь, отец? Что значит много? Сколько уж есть.

– Где ты их раздобыл? – спросил Торп, внимательно глядя на сына.

– Принесли хорошие люди. Они же всплывали то здесь, то там. Я уже два года пытаюсь их собрать все вместе. И вот удалось! – молодой человек гордо махнул рукой в сторону стола.

– Не удалось, – отец снова просмотрел сонеты. – Шекспир написал около тридцати сонетов. Не более. Остальные написаны не им.

– А кем? И откуда ты знаешь, сколько он написал?

– Я всегда следил за его творчеством и даже издал пару пьес. Сонеты вращались в литературных кругах лет шесть. Их было немного. Я, как и ты, пытался их собирать. Но в 1599 году Шекспир бросает писать сонеты, – объяснял старик, – он не дает разрешение на их публикацию. Тобб, ты помнишь Тобба?

– Конечно! Наш главный издательский «пират», – Томас кивнул.

– Он попытался было издать сонеты. Году примерно в 1600 или 1601. Вышел большой скандал. Говорили, что только два сонета принадлежали перу Шекспира. Я думаю, больше. Но далеко не все. Ходили разговоры, что Шекспир сам

распространял эти слухи, чтобы его не могли обвинить в публикации чужих сонетов под своим именем.

– Кому принадлежали остальные?

– Неизвестно. Но именно их таинственный автор настаивал на запрете публикаций. Тираж исчез из всех книжных лавок и из типографии Тобба, – Торп показал на стол. – Там тоже не его сонеты. Чьи, не знаю. Но мы с этим связываться не будем. Когда я расспрашивал Тобба про то издание, он сказал, что и говорить о нем не хочет. Был страшно напуган, и заверил меня, что ни одного экземпляра у него не осталось, включая рукопись, по которой он печатал книжку.

– Отец, ты не знаешь, кому принадлежат сонеты. Почему не самому Шекспиру толком объяснить не можешь. Все сонеты написаны одной рукой – мне достали рукопись. Ты видишь, они явно писались в одно время. То есть, Шекспир вполне мог захотеть их издать. Почему нет? Мог собрать все свои сонеты и переписать для типографии, – молодой человек был так красноречив и убедителен, что сам начинал верить в эту версию. – Поверь, мы лишь опередим других!

– Их печатать нельзя! – старик хлопнул рукой по столу. – Пока хозяин здесь я, это издание не выйдет, – сгорбившись еще больше, чем обычно, он вышел из комнаты.

По прошествии нескольких месяцев Торп-старший умер. Вскоре в типографии были отпечатаны свежие экземпляры новой книги. На ней было написано: «Уильям Шекспир. Со-

неты».

Сонетов насчитывалось сто пятьдесят четыре...

Лондон, Тауэр, 1558 год

В тот день Лондон кишел людьми. Представители всех сословий, бедные и богатые, толстосумы из Сити и простые рыночные торговцы, старики и студенты высыпали на улицы города. Всюду висели флаги, разноцветные ленты и гобелены, призванные украсить убогие, грязные улицы, по которым двигалась процессия.

Порой ей казалось, что она выиграла войну, не меньше. Ведь именно так встречают армию победительницу – радостными выкриками, фейерверками, восхищенными взглядами, которыми одаривает тебя толпа. Она махала им рукой и улыбалась, пытаясь не обращать внимания ни на холодный, пронизывающий ветер, дувший со стороны Темзы, ни на начинавший накрапывать дождь.

Медленно они приближались к истинной цели своего пути, Тауэру. Мрачная башня возвышалась на фоне темного, покрытого тучами неба. Воспоминания обрушивались на нее, будто морской шторм, от которого не укрыться, не спрятаться – все равно накроет с головой, ударив всей своей силой о хрупкую деревянную палубу корабля. Многолетнее заточение в башне, где день и ночь сменяли друг друга со сводившей с ума монотонностью, казнь матери, которую не видеть позволяли лишь льющиеся из глаз слезы, и отчаяние, окутывавшее все ее существо сильнее и сильнее – вот, что

запомнилось и придавало сил сейчас.

Елизавета гордо посмотрела на окружавших ее всадников. Кого из своей свиты она приблизит? Кого удалит с глаз долой? Кто станет ей верным другом? «У королевы не может быть друзей, – напомнила она себе, – существуют только враги, или те, кто на данный момент таковыми не является».

Совсем близко скакал Роберт Дадли, друг детства, несколько лет гулявший вместе с ней по внутреннему двору Тауэра и пылко смотревший на нее из тюремного окна напротив. Роберт поймал задумчивый взгляд Бэт и подмигнул ей игриво. Ее улыбка стала чуть шире и более искренней. Роберт слегка пришпорил коня и прогарцевал вперед. Он обернулся – королева смотрела ему вслед...

Наконец, процессия оказалась возле Тауэра. В пурпурной мантии, подбитой горностаем, Елизавета остановилась возле входа в свою бывшую тюрьму. Несмотря на холод и ветер она не спешила заходить внутрь. Когда-то она на коленях молила бога о пощаде и справедливости. Час пробил – теперь эта страна у ее ног. Нищая, униженная, страдающая Англия была не лучшим владением для монарха. Но ей было достаточно и этого.

– Божьей милостью поднимаюсь я на этот трон, – Елизавета окинула взглядом приближенных и шагнула в здание.

Даже те, кто считал ее незаконнорожденной самозванкой, увидев молодую королеву у входа в Тауэр, признавали ее королевское происхождение. Рыжие волосы Генриха, тем-

но-карие, практически черные глаза Анны Болейн, дедовский нос с горбинкой, а главное – четко прочитывающийся жесткий и расчетливый характер, вкупе с хитростью и осторожностью, делали Елизавету достойной наследницей престола.

– А в Тауэре по-прежнему холодно, – заметила молодая королева: попытки хоть как-то прогреть помещения к ее приезду особым успехом не увенчались. Огромный зал отапливался одним камином. Да и каменные стены башни сохраняли холод гораздо лучше, чем тепло.

– Дворец во всю готовят к переезду, Ваше Величество, – заверил Елизавету один из придворных, – вы здесь ненадолго.

– Надеюсь, – усмехнулась королева и передернула плечами, с которых сползла горностаевая мантия. – Что ж, займемся более неотложными делами. Англия ждать не готова.

Постепенно комната заполнилась людьми. В зале воцарилось молчание. Елизавета снова посмотрела в сторону реки. «Мне нужно время. Время и мир. Очередную войну страна не переживет. Милостью божьей я вышла из тюрьмы и стала королевой. Милостью божьей Англия избежит войны и получит необходимую передышку».

Придворные продолжали молча смотреть на свою королеву. О положении дел в стране многие из них знали гораздо больше, чем их госпожа, потому что разоряли казну с усердием, достойным лучшего применения. Большинство были

уверены: опытные французский и испанский короли переиграют двадцатипятилетнюю женщину, вошедшую на шаткий английский престол.

– Начинать мы собираемся с денежной реформы, – неожиданно твердо произнесла Елизавета.

– Предыдущие провалились, – подал кто-то голос.

– Вы имеете наглость сравнивать меня с предыдущей королевой, которая являлась наглой самозванкой? – голос Елизаветы зазвучал еще громче. – Пожалуй, этим мы и докажем, что не просто так взошли на трон, – слова эхом прокатились по холодному помещению. – Если мы здесь по воле всевышнего, то и реформы наши будут иметь успех. Если нет, – королева замолчала, но никто не смел вставить и слово в образовавшуюся паузу, – значит, самозванка – я, и место мое в Тауэре навеки!

Мантия снова сползла с оголенных плеч королевы, но она не стала кутаться в теплый мех, а продолжала стоять у окна, лишь слегка повернув голову в сторону своих поданных.

Вскоре зал опустел, и Елизавета осталась одна. Она ходила из одного конца комнаты в другой в тщетных попытках согреться и одновременно собраться с мыслями. Обещания, которые она так щедро раздавала, казались ей теперь не то, что трудновыполнимыми, они казались невыполнимыми вообще.

– Что королевой во дворце, что узницей в темнице... Одна! – Елизавета прислонилась лбом к холодному камню. – О,

нет. Я не позволю так просто согнать меня с трона!

Со всех сторон враги. Ей ли не знать этого? Ей ли не понимать, сколь хрупок мир на небольшом острове, в результате многочисленных интриг перешедшего в ее руки? Франция и Испания, главные враги английского трона, в предвкушении очередной игры. Елизавета будет прекрасным призом в случае выигрыша, невестой с чудесным приданным.

– Чтобы в этой игре выиграть мне, придется обвенчаться со своей страной. Ну что ж, чем голову на плаху, так лучше в одиночестве прожить остаток жизни, – Елизавета, стоя у окна, не могла оторвать взгляд от грязных вод Темзы. – Мужчины наивно надеются жениться на английском королевстве. О, если б ими двигала любовь! – она усмехнулась. – Но это чувство ими забыто, стерто из сердец. Любовь – удел простолудина. Королеве не пристало надеяться на изъятие искренних чувств.

До королевы донесся шум с улицы. Народ праздновал ее восхождение на престол.

– Они радуются любому новому правителю, надеясь на то, что следующий будет лучше предыдущего, надеясь на мудрость того, кто стоит выше их, того, кто послан Богом, – Елизавета, замерзнув, встала и снова начала мерить шагами комнату. – Мечты о любви следует похоронить в Тауэре. Кто ж искренне полюбит королеву? – она вспомнила влюбленные глаза Роберта, и печальная улыбка на минуту озарила ее лицо. – Нет, служить любви теперь не мой удел.

В дверь постучали. Елизавета вздрогнула и обернулась на стук.

– Войдите, – произнесла она, и в комнате появился Роберт Дадли. – Я только что думала о тебе.

– И что, Бэт? Какие это были мысли? Надеюсь ничего плохого? – Роберт склонился к ее руке для поцелуя.

– Разве я могу думать о тебе плохо? Думала, на какую должность тебя назначить при дворе. Должность, которая была бы тебя достойна, – Елизавета посмотрела вокруг. – Ты видишь, я возвратилась обратно в Тауэр. Пусть я и королева, но все равно сижу в тюрьме.

– После Рождества ты сможешь въехать во дворец.

– Тауэр преследует меня, – королева вздохнула. – Как бы я хотела, чтобы эти дни прошли быстрее. Слишком много воспоминаний...

– Согласен. Когда я шел сюда, тоже не мог отделаться от ощущения, что снова попал в заточение, – Роберт подошел еще ближе. – Единственное, что всегда скрадывало мое пребывание здесь, это твое присутствие рядом.

– Не надо, Роберт, пустых слов. Мы оба знаем, нам не быть вместе.

– Почему? Ты разлюбила меня? Взойдя на трон, забыла былое увлечение? – Дадли смотрел ей прямо в глаза.

– Ты женат. А я стала королевой. Два этих факта не дают нам соединиться. Любовь тут не причем. И ты знаешь об этом не хуже меня.

– Я люблю тебя. И всегда буду любить, Бэт. Тебе никуда не деться от моей любви, будь ты хоть сто раз королевой, – он снова взял ее за руку. Елизавета чувствовала, как ей становится жарко. Казалось, с его прикосновениями холодный, равнодушный Тауэр теплеет. – О чем ты думала здесь одна, Бэт? Ведь не только о том, какую мне дать должность.

– Я думала о том, что теперь никогда не выйду замуж, – решительно произнесла она.

– Странное решение. К тебе будут свататься лучшие женихи. Тебя заставят сделать выбор в пользу Англии, – грустно сказал Роберт.

– Если делать выбор в пользу Англии, то нужно оставаться девственницей.

– Разве? – Дадли насмешливо приподнял одну бровь.

– Именно так. По крайней мере официально. Ступай Роберт. Я устала.

– Сегодня был тяжелый день, – кивнул он, – отдохни, моя королева, – он еще раз поцеловал ей руку, – другие дни будут не легче. Но помни, что я тебе сказал. На меня ты всегда можешь рассчитывать. На меня и мою любовь к тебе, Бэт.

Они стояли друг напротив друга. Ей было двадцать пять, ему двадцать шесть – практически ровесники. Он – темно-волосый, с тонкими чертами лица, она – рыжая, с кожей цвета алебаstra. У обоих – гордый взгляд красивых карих глаз, в которых навеки застыла ничем не смываемая печаль. Они не знали, что впереди у них целых тридцать лет, или всего

лишь тридцать лет? Страданий, любви, преданности и долгих впустую прожитых дней врозь...

Дадли повернулся к ней спиной и пошел к выходу.

– И я тоже люблю тебя, Роберт, – прошептала Елизавета еле слышно, – и если бы ты не женился тогда, восемь лет назад, то у тебя было бы больше шансов стать королем Англии, чем у всех заморских принцев вместе взятых.

Она открыла свою шкатулку, вынула лист бумаги и начала писать:

*Возненавидь, когда любовь умрет,
Со всеми вместе...*

Глава 1. Побег. 1588 год

Ох, уж эти английские дороги! А точнее, полное отсутствие таковых. Болота, ухабы, кочки, леса, разбойники, нападающие на путешественника... Римляне когда-то, конечно, постарались превратить путешествие по острову в нечто более приятное, чем проклятое небом вынужденное передвижение из одного пункта в другой. И хотя римские дороги по прошествии времени оставались лучшими в стране, их катастрофически не хватало.

Уилл гордился собой, пожалуй, не дольше, чем первые десять минут путешествия. Он закинул небольшой мешок в телегу, вскочил в нее сам и, пребывая в полном неведении относительно своего ближайшего будущего, улегся на расстеленную на дне солому. Но вскоре неудобство, связанное с постоянным подпрыгиванием телеги на кочках и болтанкой из стороны в сторону, сменилось чувством тревоги.

Вдали показались всадники. Уилл пока не мог прикинуть, сколько их там, и отчего-то был уверен в том, что это за ним. Они обнаружили его бегство слишком быстро. Не надо было, черт возьми, никому рассказывать о своих планах. Держи язык за зубами – дальше уедешь.

Раздолбанная телега неспешно продолжала свой путь в неизвестное далеко, а топот копыт становился все ближе. Уилл уже мог подсчитать преследователей. И как ни убеж-

дай себя, что эти пятеро просто выехали прокатиться на лошадях до соседней деревни, не получится.

– Мы можем ехать чуть быстрее? – спросил он с надеждой возницу.

– По таким дорогам хорошо, если вообще будем ехать, – засмеявшись ответил старик, – не отвалится колесо, не споткнется лошадь, – перечислял он возможные препятствия к дальнейшему передвижению вперед, – не нападут разбойники, которыми вон тот лес просто кишит.

Уилл откинулся на спину. Над ним нависало голубое небо, оттеняемое только ветками деревьев, мимо которых они проезжали. Всадники подъехали совсем близко.

– Стой! – услышал он знакомый голос. – Стой, тебе говорят!

Старик повиновался и со вздохом оглянулся на преследователей.

– Надеялся миновать хоть этот отрезок тихо-мирно, – пробормотал он, – кругом теперь разбойничают. Не успеваешь и мили проехать.

– Уильям! Вылезай! – послышался голос отца. – Ты прекрасно понимаешь, что твоя затея провалилась.

Уилл сел, свесив ноги из телеги. «Ага, мой отец, отец Анны, брат Анны, кузен и наш сосед. Хорошая компания. Поехали все кому не лень».

– Возвращаемся домой, – брат Анны лихо выхватил из телеги небольшой мешок с вещами Уилла. – Скажи спасибо

жене, а то я бы вызвал тебя на дуэль!

– Спасибо, – сказал Уильям вознице и прыгнул на землю, – обратно пойду сам.

Телега медленно поехала дальше, увозя с собой мечты о побеге.

– Садись за мной, – предложил отец.

– Пойду пешком. Торопиться мне некуда, – огрызнулся Уильям.

Они ехали впереди, время от времени оглядываясь на беглеца. Он брел не спеша, засунув руки в карманы брюк и насвистывая какие-то простенькие мелодии. Ему исполнилось двадцать четыре года, он был высок и статен, с благородными чертами лица, длинными, темными, выющимися волосами, лихо закрученными усами и бородкой клинышком. Его возвращали в Стрэтфорд к жене, двум дочерям и сыну. Телега давно скрылась за поворотом, продолжая свой путь в Лондон без Уилла.

В город он вошел понурый и уставший от долгого пути. Смеркалось. Из дома навстречу ему выбежала Анна. Она заключила его в объятия, поцеловала в щеку и прильнула к груди.

– Забирай блудного мужа, – крикнул ей довольный таким исходом сосед, – и в следующий раз держи покрепче.

В гостиной к ужину был накрыт стол.

– Садись, поешь, – ласково пригласила Уильяма жена.

Он хотел было отказаться, но один только вид еды вызвал

урчание в желудке, и Уилл устало плюхнулся на стул.

– Зачем ты уехал? Разве тебе так плохо живется со мной? – с обидой в голосе спросила Анна. – Я родила тебе троих детей. Я забочусь о тебе, как могу. Люблю тебя, – казалось, еще чуть-чуть, и она расплачется.

– Все в порядке, Анна. Дело не в тебе, – пришлось отложить ложку в сторону. Аппетит начал пропадать.

– А в чем дело? – поинтересовалась она, промокнув глаза платком.

– Я хочу добиться чего-то в жизни, а не прозябать здесь. Ты не понимаешь, что я вовсе не отказываюсь от своего долга перед семьей. Я буду искать работу в Лондоне и стараться обеспечивать вас всем необходимым, – Уилл покачал головой. – Зачем ты устроила эту погоню за мной?

– Я не могу представить своей жизни без тебя, – по лицу Анны все-таки потекли слезы. – Дело не в деньгах. Как я смогу жить одна? Я ведь люблю тебя.

– Любовь! Любовь – это когда ты даешь возможность тому, кого любишь, жить свободно, не сковываешь его цепями по рукам и ногам. Когда ты хочешь, чтобы любимый человек был счастлив.

– Ты не счастлив со мной? – всхлипнула Анна.

– Я не счастлив в Стрэтфорде! Я хочу попытать удачу в Лондоне. Я не бегу от тебя. Я бегу от той жизни, которую ненавижу всей душой. От невозможности делать то, что хочу, к чему стремится моя душа. Анна, сюда приезжала теат-

ральная труппа. Они согласны были взять меня, – Уильям вздохнул. – Они ждали меня. Был шанс все перевернуть, все изменить.

– Почему ты бежал? Почему не объяснил мне все так, как объясняешь сейчас?

– Ты бы поняла? Ты хочешь сказать, что отпустила бы своего мужа на все четыре стороны? Анна, не обманывай себя и меня, – Уильям посмотрел в голубые глаза жены и не прочел там ничего для себя нового. Преданность, любовь, печаль – что можно увидеть еще в глазах жены? И разве это так уж плохо, увидеть то, что он в них увидел? – Прости. Я причиняю тебе боль. Мне ничего не остается, как остаться.

Анна встала и молча начала убирать со стола.

– Оставь, – он дотронулся до ее руки, – посиди. Оставь посуду. Уберешь позднее.

– А ты поешь. Почти ведь не дотронулся до еды, – Анна подвинула ему тарелку с мясом поближе. – Ты не ел весь день. Проголодался наверняка.

– Ты права. Голоден ужасно, – он все-таки начал есть снова. – Обратно шел пешком. Проголодался и устал.

– Брат хотел вызвать тебя на дуэль, – проговорила Анна еле слышно. – Я умоляла его этого не делать.

– Знаю. Он мне об этом сообщил. Что ж, у него все еще есть шанс.

– Не говори так. Вы мне оба дороги. Смерть одного из вас будет невосполнимой потерей. Но ты должен и его понять.

Он хотел вступиться за честь сестры, – Анна снова потянулась за платком.

– Один раз мы с ним уже едва не подрались. У твоего брата, по-моему, нет других способов решать проблемы. Не расстраивайся. И тогда, и сейчас ты получила, что хотела. Без всякой дуэли. Впрочем, я не жалею, что женился на тебе, Анна. Поверь, – Уильям встал из-за стола и пошел к лестнице. – Устал. Пойду спать.

– Спокойной ночи, – Анна грустно посмотрела ему вслед. Несмотря на усталость, Уилл долго не мог уснуть. Он вспоминал провалившийся побег и ворочался с боку на бок. В конце концов, он встал, достал чистый лит бумаги и начал писать.

СЦЕНА 3

27 ноября, 1582 год

Стрэтфорд-на-Эйвоне. Улица возле церкви.

У алтаря он шепчет слово «да», прощаясь с прежними надеждами, мечтами. Сжимает руку Анны, смотрит вдаль и, словно просит помощи у Бога. В глазах печаль застыла, юности порывы остались в прошлом. Что теперь? Лишь помогать отцу, и колыбель с дитём покачивать рукой усталой. Стихи, латынь – забыть. Зачем они в той жизни, что казалась неприглядной обузой для других, не для него. Теперь он видит, как судьба клюкою безобразной калечит планы

радужных основы.

— О, Боже! Это ль ты мне заготовил заранее на небе? Не рушил ты мечтаний, не намекал на тщетность их. Наказать решил за дерзость, за удовольствия, которые украдкой я получал полночными часами. Вот расплата за то, что шел к мечтам дорогой непрямою. За то, что попытался получить от жизни все, а получил лишь малость, нестоющую бывших притязаний.

— Да! — невеста произносит рядом. Три месяца волнений позади — сумели Уильяму внушить необходимость жениться вовремя, до Рождества обрядов. Несчастлив он пока — так что ж, не каждый бывает рад вначале. Так же, как мужа новоявленного, взгляд Анны к Богу обращен: — Я обещаю его счастливым сделать. Пусть моя любовь поможет Уильяму в страданиях жестоких. О, нет, пусть не страдает он! Пусть легкой жизнь покажется ему. А все страдания, Боже, лишь на меня падут. Как наказание за счастье принадлежать любимому навек!

— Аминь!

На улице и ветрено, и зябко, и небо тучами покрыто беспросветно. В воздухе не пахнет цветами, птицы умолкли, завершив свое бездумное на воле щебетанье. Горожане расходятся, чтоб дома продолжить разговоры досужие свои. Родители едва скрывают радость — их дети, правил не нарушив, обвенчались. А будет ли подарено судьбою им счастье, то вопрос напрасный, который их совсем не беспокоит. О

другом отцы семейства молча размышляют: как пристроить деньги получше, как семейные дела поправить, мечтают внуков нянчить на досуге. А были ли когда-то иные притязанья в их головах? Хотелось ли бежать из Стрэтфорда родного подальше? Прочь из захолустья, где каждый день похож собой на предыдущий? Где незнакомого лица не сыщешь, как ни старайся ты? Бывало ли смятение в душе, порывы, что гасить так сложно?

Уильям тщетно старается невесте улыбаться, пытаюсь радость показать, скрыв души смятенье. Он смотрит вдаль, глаза полны печали, тоски по дням беспечным.

– Теперь любить друг друга можем мы открыто, – Анна шепчет ему слова, которые он слышать совсем не хочет. – Под одну крышей счастливою семьей мы заживем с тобою.

– Почему уверена ты в счастье? Кто обещает тебе его? Скажи.

– Сама себе пообещала...

– Зря. Это обещанье лишь Богу выполнить дано.

– Стараться буду я.

– Но от стараний цветы в пустыне могут зацвести, пожалуй. Не более. Старайся, не старайся. Усилия свои направь ты на другое.

– На что? Готова я тебе служить исправно. Что делать мне?

– Растить детей, меня люби. И дом пусть будет чист и ак-

куратен.

– Я могла бы другом быть для тебя...

– Не надо. Дружьями я не обделен. А женщина нужна мужчине для иного. Не пытайся стать тем, кем быть не можешь. Для любви Бог создал, Анна, женщину удачно. Без вас бы жизнь пустой была, и многих удовольствий лишена.

Как и всегда, это помогло отвлечься. Уильям заснул, продолжая грезить о Лондоне, театре и своем возможном успехе на поэтическом поприще.

Утром его разбудили голоса, раздававшиеся с кухни. Уилл прислушался. Говорил отец Анны:

– Сегодня в город опять приехал театр. Держи его дома. Под любым предлогом пусть сидит здесь. Если он сбежит на спектакль, в его взбалмошной голове снова случится переворот.

– Отец, но может быть стоит позволить ему уехать? – тихонько пыталась возразить Анна. – Уильям обещает не бросать меня. Он лишь попробует устроиться в Лондоне. Если у него это выйдет, то он заберет туда меня и детей.

«Этого я не обещал», – подумал Уилл, почесывая в голове.

– Анна, ты хоть и моя дочь, но вынужден признать, так же глупа, как и все остальные женщины, – Ричард Хатауэй заговорил чуть громче. – В Лондоне он найдет себе другую, столичную красотку из общества ни чета нашему. Ты расчи-

тываешь на что-то иное? Зря! Кем собирается там работать твой муж? Актеришкой! Актеры – та еще братия. Пьют, гуляют, веселятся и спят каждый день с разными женщинами.

– Отец, ты преувеличиваешь, – Анна по-прежнему говорила практически шепотом.

– Я *не* преувеличиваю! – послышался стук кулака о стол.

– Отец, потише.

– А что мне молчать? Я готов все это высказать твоему муженьку в лицо, – тем не менее, Хатауэй заговорил чуть менее громко. – Ты забыла историю, случившуюся шесть лет назад?

– Я вышла замуж за Уильяма, – послушно ответила Анна.

– Как ты вышла замуж? Тебе напомнить? Он сделал тебе ребенка. Ему было восемнадцать, тебе двадцать шесть. Тогда мы заставили его жениться. Сейчас ему двадцать четыре. А сколько тебе? Правильно, тридцать два. Он – красивый молодой мужчина, полный сил и энергии. Ты – престарелая мать троих детей, которая, извини Анна, никому не нужна, – Хатауэй откашлялся. – Посмотри правде в глаза. Уилл сбежит от тебя и все! Это хуже, чем, если бы его убили. Тогда ты стала бы вдовой. Хороший, официальный, добропорядочный статус.

– Отец! Что ты такое говоришь!

– Правду! И чего ты его защищаешь? Вы вчера чудесно помирились в постели?

– Отец!

– Что ты заладила: отец. Ты и забеременела тогда, потому что соображаешь не головой, а тем, что находится гораздо ниже, – Хатауэй вздохнул. – Мое дело тебя предупредить. Театр в городе. Уильям тоже. Постарайся сделать так, чтобы они не пересеклись, – слышался звук отодвигаемого стула. – Я пошел. Анна, не делай глупостей. Не отпускай его в Лондон, чтобы он там тебе не плел. Впрочем, решать тебе...

Дверь за Ричардом Хатауэем закрылась. Уильям побаивался тестя, обладавшего крутым и жестким характером. Побоялся его не он один: весь город знал, как скор Ричард на расправу. Возраст брал, конечно, свое. Но сил в старике оставалось еще ого-го сколько! А если учесть, что на его стороне был старший сын, вызывавший на дуэль чуть не каждого, кто ему попадался под руку, то картина складывалась неутешительная.

– Вчера я сглупил, – пробормотал Уилл. – На старой телеге посреди бела дня отсюда не сбежишь. Значит, приезжает трупца? Спасибо за информацию, – он посмотрел на неразобраный мешок, валявшийся со вчерашнего дня возле кровати. – Может, дружище мы с тобой еще прокатимся до Лондона.

Внизу Анна накрывала завтрак. Дети шумно сбежали по ступенькам. Уильям положил исписанные ночью листки в мешок и тоже пошел на кухню.

– Доброе утро, Уилл, – поприветствовала его жена, – как спал?

– Отлично, – соврал Уильям, – спасибо.

– Говорят, сегодня будет спектакль, – проговорила Анна чуть слышно. – Ты хочешь пойти?

– Зачем? – безразлично произнес он. – Только хуже будет на душе. Я остаюсь здесь, театр мне больше не грозит.

– Не говори так, – Анна выглядела совсем расстроенной. – Если для тебя это так важно, то поезжай в Лондон.

– Приходил твой отец. Я слышал его голос. Он тебе посоветовал отпустить меня? – ехидно спросил Уильям.

– Нет. Он советовал тебя не отпускать ни на сегодняшнее представление, ни в Лондон.

– Почему ты тогда говоришь, чтобы я ехал? Чтобы за мной вдогонку опять отправить великолепную пятерку местных всадников? – он подмигнул Анне. – А? Тебе понравилось возвращать меня домой таким способом?

– Не смейся надо мной, пожалуйста. Ты же сбежал, не предупредив меня. Я не понимала, что произошло. Поэтому попросила их тебя догнать. Мне было так плохо, Уил! Я вдруг представила, что никогда больше не увижу тебя. Это было ужасно! В смятении я побежала к отцу и рассказала, что произошло. Мое сердце рвалось на части. Пойми, моя жизнь без тебя пуста и никчемна. Она теряет смысл.

– Почему же ты отпускаешь меня сейчас? – Уильям повторил свой вопрос. – Ты за ночь разлюбила? Нашла какой-то смысл в жизни и без меня?

– Нет, не разлюбила и не нашла, – Анна вздохнула, – но

если ты так хочешь уехать, ты все равно уедешь. Или будешь сидеть здесь и проклинять меня. Поезжай. Я буду ждать тебя. Не забывай об этом. Путь обратно для тебя всегда открыт.

– Спасибо, – Уильяму вдруг стало стыдно перед женой, которую он вот так запросто был готов бросить, – спасибо, Анна. Ты лучшая из женщин.

– Я самая глупая из женщин. Отец прав, – Анна отвернулась, чтобы скрыть набежавшие на глаза слезы.

– Не плачь. Я устроюсь в Лондоне и перевезу вас к себе. Дай только время, – Уильям вспомнил о Хатауэе. – А как же твой отец? Он снова кинется в погоню, когда узнает о моем отъезде.

– Поезжай сегодня вечером. Тебе нужно взять лошадь. На телегах далеко не уедешь. Ночью ехать, конечно, опаснее, но так ты успеешь преодолеть большее расстояние. Если они выедут завтра утром, то не смогут тебя догнать.

– Пожалуй, я не пойду на сегодняшний спектакль, – решил Уилл. – Зачем привлекать к себе внимание?

– А куда ты пойдешь в Лондоне? У тебя же там нет знакомых, – Анна обеспокоено посмотрела на мужа.

– Труппа, к которой я хотел присоединиться, оставила мне адрес. Пойду сначала к ним. Если им все еще нужен будет актер, то останусь играть там.

– Ты помнишь Филда? – спросила Анна.

– Конечно, он отсюда сбежал пару лет назад, – Уильям улыбнулся.

– Я попробую узнать у его матери, где он живет в Лондоне. Вроде, он не плохо устроился и работает в типографии. Ты сможешь первое время пожить у него...

Вечером Уильям снова выехал из Стрэтфорда. В этот раз на лошади и с благословения жены. За ним никто не гнался и ехать было гораздо удобнее, чем в телеге. Но почему-то настроение у него было не таким приподнятым, как вчера. А огромный темный лес, кишачий разбойниками пугал теперь гораздо больше, чем преследовавшие его накануне родственники.

Лондон встретил его проливным дождем. И въехал он в столицу вовсе не героем, гордо и прямо сидящем в седле, со шпагой наперевес. Напротив, Уильям представлял собой куда более жалкое зрелище, чем даже спешащие на ярмарку крестьяне. И лошадь, и вещи, которые он вез с собой, конечно же, у него отняли по дороге. Добираться пришлось все же на телегах, а где и пешком. Его одежда потрепалась, выгорев под солнцем, промокая под дождем, да и просто цепляясь за ветки и кусты на узких тропинках, по которым ему порой приходилось идти.

В мешке осталась лишь бумага – разбойники, орудующие на дорогах Англии, видимо, не смогли оценить талант Шекспира, и не стали забирать помятые листки, испещренные его

мелким почерком. Так же при нем остались две бумажки с Лондонскими адресами. На одной был написан адрес театра Розы, которым владел некий Филипп Хенсло, на второй – адрес Ричарда Филда, земляка Уильяма, ныне владельца небольшой типографии близ собора святого Павла.

К Филду и решил направиться Уилл вначале. Он спрыгнул с телеги, которая везла его на последнем отрезке пути до столицы, поблагодарил крестьянина и побрел по узким, грязным улочкам вперед. Пахло отвратительно, кругом растекались огромные лужи, в которых то и дело встречались отбросы, выбрасываемые нерадивыми слугами прямо на улицу под ноги прохожим.

Один из горожан указал путь к собору.

– Дойдешь до Святого Павла, – объяснил он, – а там уж спросишь, как найти типографию своего друга. И поторопись, скоро стемнеет. На улицах Лондона станет далеко не безопасно.

Уильям тяжело вздохнул. Промокшая одежда и пустой желудок сами по себе не настраивали на веселый лад. А уж то, что столице, как лесу, оказывается, несла в себе одинаковую угрозу, не придавало Уильяму *большого* оптимизма. Иногда откуда-то из темноты к нему протягивалась рука попрошайки, иногда слышался неприятный смех пьяницы, иногда где-то у ног неожиданно начинал копошиться очередной бездомный. Так ли он представлял себе столицу – предел его ночных мечтаний? Пожалуй, нет. Но Уилл продол-

жал устало идти в сторону собора.

Справа от него блеснула Темза. От ее темных вод тоже иногда начинало тянуть неприятным запахом. Вдали показался Тауэр. Даже издалека он казался мрачным и угрюмым. Известная всей Англии тюрьма притягивала взор, но, несмотря на досужее любопытство, путешественнику тут же хотелось отвести от нее взгляд.

Неожиданно, левее Уильям увидел собор. Огромное здание величественно возвышалось над окружавшими его маленькими домами. Сомнений не оставалось – это тот самый собор Святого Павла, до которого ему надо было дойти, прежде чем узнавать, как найти типографию Филда. Уилл повернул налево и пошел чуть быстрее, надеясь вскоре оказаться в теплом помещении с доброй кружкой эля в руках.

Некоторые книжные лавки, расположенные вокруг собора, еще оставались открытыми. Уильям зашел в одну из них и показал адрес типографии.

– Типография Филда! – вскричал продавец, будто Уилл спросил о чем-то, известном всем и каждому. – Так это же прямо за углом. Пройди чуть вперед и поверни налево. За магазином Трампа увидишь то, что ищешь.

Уильям поблагодарил продавца книжного и, собрав последние силы, пошел преодолевать оставшееся до его цели расстояние.

Дверь типографии была заперта, но в окне первого этажа горел свет. Уильям постучал.

– Кто здесь? – послышался женский голос из-за двери.

– Я к Ричарду Филду, его земляк, Уильям Шекспир, – ответил он громко.

За дверью послышалось шуршание. Через минуту перед ним стоял Ричард.

– Шекспир? – переспросил он. – Сын того самого Джона Шекспира, перчаточника?

– Он самый, – ответил Уильям, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну, заходи, – Ричард посторонился, и Уильям прошел в комнату. – Как жизнь, дружище? Давно приехал в Лондон?

– Только сегодня. Ты извини, что неожиданно к тебе нагрянул. У меня здесь всего два адреса. Твой и театра, куда хочу устроиться актером, – Уилл продолжал топтаться на месте.

– Актером? Здорово! – Ричард хлопнул его по спине. – Проходи. Вот моя жена. Наверное, ты голоден с дороги. Она нам сейчас накроет. Выпьем за встречу. Я тут обустроился неплохо. Дела в типографии идут хорошо. Кстати, если что, обращайся ко мне. Я постараюсь помочь тебе устроиться в типографию. Все больше книг печатают сейчас. Чего только ни увидишь в книжных лавках: стихи, сонеты, советы по обустройству сада, как правильно лечиться от простуды, как построить и обставить дом, как судьбу определить по звездам.

– Вот это да! – покачал головой Уилл. – Я и не думал, что

книгопечатание такое выгодное дело. Ты молодец!

– А как же ты сбежал из Стрэтфорда? Я слышал, у тебя там есть жена и дети?

– О, тут долгая история. Мне этот шаг не просто дался, – Уильям посмотрел на стол.

– Ешь, ешь. Прости, я забываю, что ты с дороги и голоден, как черт. Но просто интересно увидеть земляка!

– Ты не скучаешь по Стрэтфорду? – спросил Уильям с набитым ртом.

– Нет! Какая там скука! Я не жалею, что уехал. Но у меня ведь не было семьи. Я женился, приехав в Лондон. Марта – дочь владельца этой типографии. Старик уж не у дел, конечно.

– Я давно мечтал сюда приехать. Не знаю, верно ли говорят, но вроде в Лондоне можно устроиться в театр. Попробую, – еще раз рассказал про цель своего приезда Уилл.

– Так как ты добрался сюда? Все-таки, как тебя отпустила жена? – не отставал Ричард.

– О, это мне далось не просто! Сначала она, конечно, ни в какую. И слышать не хотела, что я могу уехать. Тут как-то к нам приезжала труппа из Лондона. Я решился! Пошел к ним и сказал, что хочу работать актером.

– А они? – Ричард с любопытством смотрел на земляка. В дверях застыла его жена, тоже с интересом слушавшая весь разговор.

– Они говорят, прочитай что-нибудь. Ну, стихотворение

там или отрывок из пьесы.

– А ты?

– Я почитал.

– То есть ты знал стихотворение и отрывок из пьесы? – Филд смотрел на Уильяма во все глаза. У него, видимо, подобное никак не укладывалось в голове.

– Знал. Я еще со школы помню на латыни Овидия.

– Ну, ты даешь!

– Так вот, – продолжил Уильям, пытаюсь и рассказывать, и есть одновременно, – они меня послушали и дали адрес в Лондоне. Театр Розы, называется. Я собрал мешок, пошел на окраину города и попросил там одного крестьянина подбросить на телеге в сторону Лондона. Он ехал как раз в нужном направлении.

– И что? – рассказ захватывал Ричарда все больше.

– Ничего! Первая попытка не удалась. Жена снарядила за мной погоню. Естественно, они меня нагнали и вернули домой. Но Анна подумала-подумала и сама отпустила меня в Лондон. Я ехал почти целый месяц. Разбой на дорогах ужасный. Все, что могли у меня украли. Остались только мои стихотворения и наброски пьес, – Уильям снова принялся есть.

– Вот, а ты мучаешь человека расспросами, – жена Филда укоризненно посмотрела на мужа. – Он голоден, одежда мокрая, устал с дороги. Разговоры завтра. Я пойду постелю тебе, Уильям, в гостиной. Ложись спать.

– Да я почти и рассказал все. Завтра попробую найти те-

атр.

– Покажешь мне адрес, я объясню, как туда добраться, – Ричард задумался. – Но в основном театры расположены на другом берегу Темзы с северной стороны. Думаю, твоя Роза там же. Слушай, раз ты пишешь, то может быть, я тебя даже буду печатать! Вот неожиданная встреча, – он покачал головой и опять хлопнул Уильяма по спине. – Доедай и спать. Жена права. Ты слишком устал, чтобы мучить тебя разговорами.

Уильям засыпал, а перед глазами мелькали строчки:

*Уж ночь спускалась на город, в котором было страшно
безоружным заходить в закутанные тьмою закоулки. Вдали
сверкали фейерверки у дворцов, по Темзе проплывали лодки,
увешанные гирляндами цветов. Фонтаны где-то били,
столы ломились от еды, вина и пива. Попрошайки монеты
доставали из штанов, чтобы дневной улов пересчитать с
услადой. Ворюшки кошело трясли. Актеры в тавернах собирались,
чтоб пошутить над зрителем своим наивным.*

Театр Роза, принадлежавший Филиппу Хенсло, на самом деле находился на севере Лондона возле Темзы. Здание театра было отстроено не так давно, и хозяин, действительно, набирал в труппу актеров. Те, что уже состояли в труппе, играли по две-три роли за спектакль, быстро переодеваясь за

сценой.

Хенсло окинул пришедшего к нему Уильяма с головы до ног. Впечатление в принципе оставалось неплохое. Несмотря на потрепанную одежду, усталое лицо и тощую фигуру, что-то в его внешности притягивало взгляд.

– Давай-ка, почитай что-нибудь, – скомандовал хозяин труппы. – Посмотрим, на что ты годишься.

Уильям начал привычно выдавать строку за строкой. В школе они заучивали все произведения на латыни. Он прилежно декламировал отрывок из поэмы, пока Хенсло, не очень хорошо в свое время выучивший латынь, не остановил его.

– Достаточно, – замахал он рукой. – Сейчас мы все больше ставим пьесы на английском. Я дам тебе несколько страниц текста. К завтрашнему дню заучи роль короля. Придешь, я послушаю снова. Да, кстати, ты сказал, что пишешь стихотворения и пьесы. Стихотворения нам не нужны, а вот пьесы требуются. Народ избалован, – Хенсло презрительно усмехнулся. – Подавай им каждый день что-нибудь новенькое. Сама королева покровительствует театрам, так что мы при деле! Короче, неси свою пьесу. Я посмотрю.

– У меня, к сожалению, нет законченных пьес. Только наброски, – пробормотал Уилл.

– Неси наброски. Публика не очень разборчива. Если сюжет пойдет, то остальное как-нибудь, – Хенсло помолчал, – как-нибудь уляжется.

Назад в типографию Филда Уильям шел окрыленный надеждой. В тот день на небе сияло солнце, улицы Лондона не казались уже такими ужасными и грязными. Попрошайки и бездомные попрятались в свои норы, затаившись в них до наступления темноты.

Возле собора Святого Павла вовсю кипела жизнь: все книжные лавки были открыты, из типографий доносился шум станков, люди сновали туда-сюда, кто по делу, а кто из праздного любопытства. Уильям остановился и вдохнул свежий осенний воздух.

– Как дела? – пхнул его в бок Ричард, проходивший мимо с кипой свежееотпечатанных бумаг. – Приняли в труппу?

– Пока, нет. Но на завтра дали роль, которую надо выучить. Надеюсь, возьмут. А ты что несешь?

– Пошли, почитаем. Это то, что говорят звезды. Может, и про нашу судьбу прочтем, – Ричард засмеялся. – Не стой тут столбом. Лучше помоги, – он отдал часть кипы Уильяму, и они вместе зашагали к дому.

– М-м-м, – закачала головой жена Филда, – давай, говори, когда ты родился, – обратилась она к Уильяму, – сейчас мы прочтем, что тут про тебя пишут.

– Двадцать третьего апреля шестьдесят четвертого года, – ответил Уильям.

– Ага, вот здесь про тебя. «Люди, родившиеся под этим знаком, – начала она читать вслух, – бесспорно наделены талантом. Но их ожидают два пути: либо прозябать в привыч-

ном окружении и похоронить свои таланты, либо вырваться из того мира, в котором жили до сих пор, развить свои таланты и стать знаменитыми».

– Смотри-ка, Уилл, ты идешь по второму пути. И он гораздо более привлекателен, чем первый, – Ричард привычно хлопнул друга по спине.

– Надеюсь, твоя книжка не врет, – Уильям улыбнулся. – Пойду поучу роль. Завтра увидим, начинается ли сбываться сие пророчество.

– Не беспокойся, – жена Филда игриво ему подмигнула, – сбудется. Я вот себе загадала такого мужа, как Ричард. И – пожалуйста. Так и ты – загадай, и сбудется. Главное, очень захотеть чего-то.

На следующий день он снова пешком прошел через весь город к северному мосту. Сердце билось сильнее – ведь сегодня должна была решиться его судьба. Всю дорогу он повторял строки из пьесы, представляя себя жестоким и коварным королем, подсыпаящим яд собственному сыну.

– Ну что ж, – Хенсло послушал Уильяма и веско объявил, – принят! Конечно, придется пообтесать тебя немного. Работать будешь первое время на износ. Платить буду мало. Способности есть, но для актера этого недостаточно. Учись, старайся, тогда из тебя будет толк.

– Спасибо, – Уилл наклонил голову, боясь показать счастливую улыбку, появившуюся на его лице, – мне бы найти комнату где-нибудь поблизости.

– На адрес, – Хенсло быстро написал что-то на листке бумаги, – скажешь, от меня. У нас там живут некоторые члены труппы. Репетиция через два часа. Возвращайся обратно. Начнешь работать. Спектакль завтра.

– Завтра? – Уильям вздрогнул.

– Да, да. Спектакли выпускаем быстро. Забудешь слова, сымпровизируешь по ходу. Мы ставим новые пьесы чуть ни каждый день. Вот так, дружище.

Уильям вбежал в типографию и обнял друга.

– Ричард, меня взяли, и я нашел себе комнату недалеко от театра. Спасибо, что приютил.

– Не забывай земляка. Заходи, – Филду было немного жаль, что Уилл так быстро съезжает из его дома, – мы всегда рады тебя видеть. И помни, я готов публиковать твои пьесы. Как только закончишь писать – неси мне.

– Конечно, – Уильям подхватил свой легкий мешок, не отягощенный ни одной лишней вещью, – но скоро не обещаю. Мне надо учиться актерскому мастерству. Первое время посвящу театру. Актер пока из меня выходит не идеальный.

– Да ладно, – на спину привычно опустилась тяжелая рука Ричарда, – не переживай. У тебя все получится. Так что писать не бросай. Потомки запомнят тебя не как актера, Уильям, поверь. Актеров никто не запоминает. Они будут помнить тебя, как поэта и автора пьес. Пиши!

– Спасибо, – еще раз поблагодарил Уильям друга и вышел

на улицу.

Лондон не казался ему больше грязным и неприветливым. Он не замечал луж, выплескиваемых ему под ноги отходов и протянутых за милостыней рук. Он шел навстречу судьбе, которую ему предначертали звезды, повторяя снова и снова слова своей первой роли...

Армада испанских кораблей вышла в открытое море. Победа над Англией оставалась лишь делом времени. Огромная, внушающая страх и ужас флотилия с гордо реющими над парусами испанскими флагами шла наперекор волнам вперед, навстречу английскому флоту. Английские корабли, отстроенные за годы правления Елизаветы, были многочисленны, но пугали своим внешним видом врага гораздо меньше. Легкие суденышки словно летели над морскими просторами, смеясь и дразня могущественного врага, бросающего им нешуточный вызов.

Буря. Потом говорили, что испанцев погубила буря. Англичанам лишь оставалось добить и так уже поверженные природной стихией корабли противника. Но Елизавета знала – ничего не происходит случайно. Судьба играет на стороне тех, кто этого более достоин. Она строила английский флот, продолжая дело своего отца. Когда пробил час, ее корабли были готовы к борьбе.

– Мы победили. Великая Армада разгромлена, – Дадли вошел к ней в спальню без стука. Он даже не вошел, ворвался, с трудом переводя дыхание. Его глаза сверкали ярче, чем драгоценные камни, которыми был расшит камзол. – Ваше Величество, лагерь, разбитый на Темзе, должен защитить Лондон от возможного вторжения испанцев, можно сворачивать!

– Роберт, спасибо за хорошие новости, – она прильнула к его груди, но быстро взяла себя в руки и сделала несколько шагов назад.

– Я не надеюсь на твою милость, Бэт, – печально произнес Дадли, – но ты могла бы быть ко мне более снисходительна.

– Граф, я достаточно снисходительна к вам. Вы принесли отличные новости. Теперь подождите за дверью. Мне надо одеться, а это не самое простое дело на свете, – Елизавета кивнула, показывая, что он может идти.

Каждый раз, когда он входил в ее покои, сердце королевы разрывалось на части. Она не переставала любить его все эти годы, несмотря на непонятную смерть первой жены и последовавшую через несколько лет женитьбу на леди Эссекс. Ни первая, ни вторая жена при дворе не бывали. И это все, что могла сделать Елизавета, чтобы уменьшить свои страдания.

Стоял июль, и во дворце воцарилась нестерпимая жара. Королева велела накрывать стол к обеду на открытой веранде первого этажа, выходящей прямо на реку.

– Велите графу Лейстеру присутствовать на обеде, – при-

казала она передать Роберту.

«В конце концов, единственная моя привилегия – это обещать с ним тогда, когда я того пожелаю. Стоило стать королевой хотя бы ради того, чтобы видеть любимого мужчину в любое время дня и ночи». Елизавета посмотрела на себя в зеркало и взялась за пудреницу.

– Вам следует отдохнуть, – сказала она графу за обедом. – Война окончена, не успев толком и начаться. Но вы проделали огромную работу. Мы благодарны вам за службу.

– Спасибо, Ваше Величество. Я планировал в начале сентября поехать в Бат на воды. Пока мне нужно закончить дела в Лондоне, – Дадли наклонил голову, но глаза его продолжали пристально смотреть на королеву.

– Значит, мы еще увидимся до вашего отъезда, – сказала она.

– Несомненно, – кивнул Роберт, – можете не сомневаться. Моя любовь к вам все также сильна, как и прежде.

– *Моя любовь – престол и Англия. Вам это хорошо известно, граф.*

– Вы преуспели в своей любви. Я не соперник Англии, поверьте.

– Роберт, ты женат. Вот так ты, видимо, доказываешь свою любовь ко мне. Убедительный поступок, ничего не скажешь.

– Бэт, ты сама хотела, чтобы я женился. Разве не так? Разве не твою я волю исполнял?

– Не мою, – Елизавета положила вилку на стол и оберну-

лась.

За ними следили. Оба знали, что все эти годы за ними ведут пристальное наблюдение. Один ложный шаг со стороны Елизаветы, и враги все, как один, накинутся на нее в очередной попытке сместить с вожделенного трона.

– Не будем ссориться, граф, – сказала она спокойно, – лучше развлеките меня сегодня вечером.

– С удовольствием. Все театры Лондона – к вашим ногам!

– То, что они обедают вдвоем, не является доказательством их связи, – мужчина говорил с явным французским акцентом, сильно коверкая английские слова. – Французскому монарху требуется что-то более веское.

– Говорят, у королевы есть сын, рожденный от графа. Должно быть, ему около двадцати пяти лет или что-то вроде того.

– Вы не сумели найти его?

– Нет. Видимо, она его слишком хорошо спрятала.

– Двадцати пятилетнего мужчину нельзя слишком хорошо спрятать, – сердито возразил француз. – Вы говорите чепуху.

– Можно. Если поменять этому мужчине фамилию и отправить подальше за пределы Англии, то можно.

– Ну, хорошо. Вопрос второй. Путь к сердцу королевы следует расчистить. Если вы не можете найти сына, попробуйте сделать что-нибудь другое.

Четвертого сентября в ее спальню робко постучали. Елизавета позволила войти.

– Граф Лейстер скончался по дороге в Бат, – объявил ей Сесил. – Внезапная болезнь. Полагают, быть может малярия.

– Он был здоров. О чем вы говорите? – королева бессильно опустилась на кровать. – О чем вы?! Роберт был здоров.

– Ваше Величество, граф ехал на воды лечиться. Он прошел через много испытаний в последние годы. Голландия, проблемы с долгами, Армада. Бывают болезни, которые не видны глазу.

– Выйдите отсюда, – королева подошла к двери, – выйдите. Я хочу остаться одна.

Граф Сесил вышел из спальни. Дверь за ним захлопнулась, и он услышал звук запираемых замков.

Елизавета открыла шкатулку и достала оттуда последнее письмо Роберта. Оно было написано буквально пару дней назад.

«Самое главное мое беспокойство о том, как себя чувствуешь ты, Бэт. Я вспоминаю наш с тобой последний обед – это лучшее, что со мной случилось за последние дни. И помни, ты всегда можешь рассчитывать на меня и мою любовь к тебе. Роберт Дадли, граф Лейстер».

Она положила письмо обратно.

– Это все, что мне от тебя осталось, Роберт, – слезы покатались по ее бледному лицу. – Как ты мог оставить меня?

Оставить не ради другой женщины, нет. Оставить навеки, без всякой надежды когда-нибудь увидеть тебя. О, Роберт, разве ты мог так поступить со мной?! – Елизавета раскачивалась из стороны в сторону, снова и снова повторяя слова, обращенные к тому, кто мог услышать их теперь только с небес.

Никто больше не будет врываться в ее спальню без стука, никто не будет обращаться к ней «Бэт», ни одному мужчине она не позволит себя обнять. Почему ей не подали знак, не дали почувствовать, что после того обеда она не увидит его никогда? Она была бы ласковее, нежнее. Она бы сказала ему то, что должна была сказать давно, но никак не решалась. Почему к этой новости она оказалась так не готова?

Елизавета целыми днями теперь лежала в кровати или заново просматривала свою шкатулку. Ей не хотелось есть, не хотелось никого видеть. Она забыла, кто она и зачем пришла в этот мир, потому что оставаться в нем более не имело смысла...

Дверь оставалась закрыта несколько дней. Сесил время от времени подходил к покоям королевы и настойчиво стучал в дверь. Елизавета не открывала. Она продолжала разговаривать с Робертом, перечитывала его письма, свои стихи, посвященные ему, смотрела на маленький портрет графа, хранившийся в ее медальоне.

– Ломайте дверь, – наконец решился Сесил. – Мы не имеем права оставить Англию без королевы. Это мой приказ.

– Простите, Ваше Величество, – произнес он, когда дверь открылась.

– Вы все сделали верно, граф, – еле слышно произнесла Елизавета. – Англия не должна страдать из-за смерти одного из моих подданных, – она встала с кровати и, с трудом передвигая ноги, подошла к окну.

Ей всегда нравился этот вид: неспешные воды Темзы, лодки, огромные парки, раскинувшиеся по обоим берегам. Теперь все потеряло для нее привлекательность. Она провела рукой по стеклу, словно пытаясь стереть с него горькие воспоминания.

– Мне необходимо одеться, – сказала она, не оборачиваясь.

Сесил поклонился и вышел из комнаты. Он свое дело сделал. Королева возвратилась на трон.

– Моя опора – страна, которую я подняла с колен, – бормотала Елизавета, как в бреду, оставшись одна. – О чем мне плакать? О несбывшейся любви? Любовь трагична. Чем меньше любишь, тем спокойней на душе, – она снова открыла шкатулку.

Глава 2. Меж двух огней. 1592 год

Весной в театре стояла суматоха. То говорили, что их к себе во дворец вызывает сама королева, то вдруг выяснялось, что королева приедет в театр собственной персоной, потому как взяла в привычку лично осматривать Лондонские театры. Потом на спектакль неожиданно приходил кто-нибудь из приближенных королевы, а от нее ни слуху, ни духу.

Актеры передавали друг другу слухи, Хенсло мрачно рассказывал по зданию театра, отдавая распоряжения, порой полностью взаимоисключающие. Пьес категорически не хватало. Драматурги без зазрения совести воровали сюжеты у своих коллег, а также активно заимствовали их у тех, кто по понятным причинам возразить уже ничего не мог, потому как давно лежал в могиле.

Издатели, нагло пользуясь ситуацией, печатали наиболее нашумевшие пьесы, не имея на то позволения авторов. Книжки разлетались, как горячие пирожки: торговля возле собора Святого Павла шла полным ходом. Когда год назад у Ричарда Филда родился сын, лучшим подарком от Уильяма Шекспира стало официальное разрешение на издание Генриха Шестого, все три части которого с бешеным успехом шли на сцене театра Розы.

От своих пьес Уильям имел сущие копейки. Платили драматургам не густо. А вот как актер он начал зарабатывать

неплохо. Уильям исправно отсылал деньги семье в Стрэтфорд, писал жене пространные письма, не очень-то порываясь вызвать их к себе. Жизнь в Лондоне не располагала к умиротворенному времяпрепровождению в кругу семьи. Даже Филд, порой, встречая друга, с завистью качал головой:

– Эх, Уилл! Бросил бы все, и подался в актеры. Да, Бог таланта не дал.

В последние дни марта по театру пробежала очередная волна слухов: сам молодой граф Саутгемптон изволит пожаловать на спектакль. Желает посмотреть пьесу «Генрих Шестой»: мол, наслышан о молодом, начинающем драматурге и трех его пьесах, описывающих жизнь несчастного короля. На сцене в главной роли блистал Джеймс Бербридж, одну из второстепенных исполнял Шекспир.

– Недурно, – произнес граф, подозревая после спектакля к себе Хенсло, – очень недурно. Приглашаю вас и вашу труппу к себе на ужин в эту пятницу. Я буду устраивать прием для нескольких театральных компаний. Обязательно приводите с собой и автора пьесы. Как, вы говорили, его зовут? Уильям?

– Да, Уильям Шекспир. Он сегодня играл Бедфорда.

– Уильям, потрясающий сцену!², – быстро переименовал фамилию драматурга граф. – Великолепно. Обязательно приведите его с собой!

Генри Ризли, третьему графу Саутгемптону пошел два-

² Shake speare – потрясать копьем Shake scene – потрясать сцену

дцатый год. Он успел снискать себе славу покровителя искусств и завсегдатая театральных представлений. Его литературная гостиная была известна на весь Лондон. Сама королева оказывала ему знаки внимания. Граф не был женат, но родственники активно искали ему невесту, пытаясь выгодно пристроить его в надежные, красивые, нежные женские руки...

Когда труппа Хенсло подошла к замку графа, их взору предстало воистину потрясающее зрелище. Перед замком в лучах заходящего солнца блестело озеро. Через него был перекинут мост, по обе стороны которого прямо из воды возвышались колонны с изображениями различных мифологических персонажей. На каждой колонне стояли огромные серебряные блюда с фруктами. В самом озере плавали русалка и дельфин. Стоявшие на мосту актеры по очереди декламировали стихи, посвященные графу.

Гости развлекали себя тем, что переплывали озеро на лодках, украшенных флагами и гирляндами. Один из фонтанов, расположенных неподалеку от озера, по дороге к замку, начинал неожиданно разбрызгивать воду. Так, что проходившие мимо дамы визжали от восторга, если не успевали проскочить мимо, и попадали под импровизированный душ.

Возле самого входа в замок в вырытых по такому случаю ямах сидели музыканты. Они практически не были заметны, и исполняемая ими музыка слышалась будто из-под земли.

Уильям ошалело смотрел на окружавшее его богатство.

Даже надев свой лучший камзол, он чувствовал себя не в своей тарелке. Его жизнь в Лондоне ограничивалась ужинами у Филда и попойками в трактирах с друзьями из театральной труппы. Жил, как и прежде, в комнатке у моста через Темзу неподалеку от театра. Почти все деньги Уильям отправлял Анне и детям в Стрэтфорд.

– Вы тот самый автор пьесы о Генрихе Шестом? – внезапно Уильям понял, что к нему подошел сам граф. – Очень неплохо, должен вам сказать. Учитывая низкое качество большинства предлагаемых вниманию зрителя пьес, эта выглядит вполне прилично.

– Спасибо. Я весьма польщен, граф. Но мне кажется вы преувеличиваете достоинства моего произведения, – Уильям переминался с ноги на ногу.

– Вовсе нет. И если вы не против, то я был бы рад пригласить вас лично завтра на обед. Приезжайте, пожалуй, к двенадцати, – не дождавшись ответа, граф развернулся и пошел к другим гостям.

Уильям остался стоять на месте, став похожим на одну из колонн, установленных на озере.

– Что он тебе сказал? – с трудом переводя дыхание спросил подбежавший Хенсло.

– Пригласил завтра на обед.

– Вот это да! Иметь такого покровителя, как граф, большая удача. Уильям, постарайся завтра. Если он будет давать нам деньги, мы сможем, наконец, обойти большинство те-

атральных предприятий Лондона. Лучше может быть только покровительство самой королевы, – горячо шептал на ухо Уильяму Хенсло. Он и не предполагал, что интерес белокурого графа распространялся исключительно на одного Шекспира.

На следующий день обед у графа накрывали на двоих. Но, как обычно, еды подавали столько, что хватило бы на десяток гостей. На серебряных блюдах лежали куски баранины, телятины, гусь и кролики, а также лосось и белый хлеб. В бокалы слуги разливали сухое белое вино из Италии.

– Ешьте, мой друг, ешьте, – напутствовал граф артиста. – Будет еще вторая смена блюд, но там вы не найдете ничего такого, чем можно было бы вдоволь набить живот, – Ризли улыбнулся. На его собственной тарелке красовались лишь крохотные кусочки мяса, которые он вовсе не спешил доедать.

На второе в столовую внесли также несколько блюд. Набить живот Уильям спокойно мог и этим: фазан, цыплята, голуби, сладкий крем из яиц и молока, фруктовый пирог и оладьи с маслом. Несмотря на то, что сам граф ел мало, Уильяму было неудобно не попробовать то, что клали ему на тарелку слуги, и в конце трапезы его нестерпимо стало клонить в сон.

– Я бы хотел вам показать свою библиотеку, – предложил вместо крепкого послеобеденного сна граф. – Мы сможем продолжить беседу там.

Усевшись в кресло в библиотеке, Генри Ризли продолжил:

– Вы неплохо пишете, Уильям. И вам надо развивать свой талант. Я был бы не прочь оказать посильную помощь.

– Театру? – переспросил помнивший о просьбе Хенсло Шекспир.

– Почему театру? – удивился граф. – Лично вам. Я бы хотел, чтобы кроме пьес вы попробовали писать и что-нибудь другое. Сонеты, поэмы... Впрочем, мне ли вам давать советы.

– Я очень польщен вашим вниманием, граф, – Уильям поклонился.

Генри не сводил с него взгляда своих голубых глаз:

– Вы согласны?

– Да, – ответил Уильям, понимая, что полностью попал под обаяние молодого графа.

– Ну что ж, оставайтесь у меня до вечера. После ужина у меня собирается литературная гостиная. Придут известные люди. Вам, думаю, будет любопытно послушать то, что они говорят. Пока же можете погулять по парку или оставайтесь в замке. Если вам понадобится чистая бумага, – Генри начал вставать из кресла, – найдете ее вот в этом ящике. Пишите. Королей в истории Англии было много. Хватит не на одну пьесу, – Генри громко рассмеялся и вышел из библиотеки, оставив растерянного Уильяма стоять у многочисленных книжных полок.

Теперь в театре Шекспир появлялся редко. Все больше времени он проводил в замке у графа, порой не выходя оттуда по нескольку дней. Обеды чередовались ужинами, гости сменяли друг друга. В парке разыгрывались целые представления: Генри любил шокировать своих друзей размахом разыгрываемых сцен, и Уилл всегда помогал ему ставить грандиозные спектакли.

Они сдружились. Тот факт, что граф был младше Уилла на девять лет, совершенно не мешал их взаимопониманию. Они проводили много времени вместе, разговаривая о литературе и театре. Генри получил прекрасное образование, окончив Кембридж и получив степень магистра искусств. Он прекрасно знал итальянский и часто бывал при дворе. Уильям закончил лишь обычную школу в Стрэтфорде. Конечно, он немного знал латынь и даже мог декламировать Овидия. Но пропасть, разделявшая двух молодых людей, казалась ему непреодолимой.

Больше всего огорчало Уильяма то, что сближаясь с графом, он оставался также далек от него, как и в начале их знакомства. С другой стороны, их беседы, общение с людьми другого круга, отдаляло Уильяма от друзей из театра, и от Ричарда Филда.

– Так где же посвященное мне стихотворение? – спросил Генри ближе к лету. – Пока я вижу, ты пишешь очередную пьесу про очередного короля. Я не против. Но некоторые из моих друзей давно имеют посвящения в свой адрес.

– Я помню о своем обещании, – Уильям кивнул, – и работаю над поэмой. Ты вскоре получишь то, чего так сильно желаешь.

– Поторопись. Я познакомился с чудесной женщиной. Скоро она приедет в Англию. Я хотел бы подарить твоё посвящение ей, – граф помолчал. – Как называется поэма?

– «Лукреция». Ты мне рассказывал историю итальянки, покончившей собой, чтобы смыть бесчестье. Эту историю я и решил изложить в поэме.

– Красивая легенда, – Генри вздохнул. – Меня заставляют жениться, Уилл. А я влюблен в другую женщину.

– Кто она, твоя возлюбленная? – поинтересовался Шекспир.

– Француженка. Я видел лишь её портрет. Мы не знакомы. Но я очарован ею, я потерял голову, – граф встряхнул своими белокурыми волосами. – Мне сказали, она будет здесь представлена ко двору Елизаветы.

– Ты хорош собой, Генри. Ты обаятелен и образован. У тебя все шансы завоевать её расположение, – попытался успокоить друга Уильям.

– Да, но моя невеста! Мне не дадут жениться на другой.

Граф достал из шкатулки небольшой портрет:

– Вот, посмотри.

Конечно, изображение не могло передать истинной красоты той дамы. Но и то, что увидел Уильям, поразило его в самое сердце. Он постарался не выдать своих чувств, сухо

сказав:

– Она хороша, граф. Несомненно.

В ту же ночь он закончил поэму. В посвящении значилось: «Любовь, которую я питаю к вам, беспредельна. И это скромное произведение выражает лишь малую часть ее».

Граф оценил и поэму, и посвящение, не догадываясь о том, что на самом деле скрывали за собой написанные строки.

– Как тонко ты, Уильям, выразился, – признался он за ужином. – Я понимаю, что посвящена поэма мне. Но я могу смело дарить ее женщине, которую люблю. И она будет думать, что посвящение адресовано ей.

«Посвящение, на самом деле, адресовано ей», – подумал Уилл, но благоразумно промолчал.

– Что за пьесу ты готов поставить для моих гостей летом? – продолжал Генри. – Я бы хотел пригласить труппу Хенсло на один из обедов в ближайшее время. Неплохо бы увидеть что-то новое. Ты можешь им отдать свою пьесу?

– Я пишу о Ричарде Третьем, – ответил Уильям. – Скоро закончу.

– Отлично! Очередной король, – усмехнулся граф. – Я же говорил, их хватит на несчетное количество представлений. Передай Хенсло, что я бы хотел видеть на сцене именно эту пьесу.

Представление прошло с успехом. Уильям опять играл одну из главных ролей. Бербридж выступил в роли Ричарда.

Когда Шекспир писал пьесу, то королем мог себе представить только его. Хенсло не возражал – Бербридж был лучшим актером труппы, одинаково хорошо игравшим как в комедиях, так и в трагедиях.

– Тебе стоило бы возвратиться в театр, – сказал Уильяму после спектакля Джеймс. – Роль приживалы при графе тебе не к лицу. Ты пишешь прекрасные пьесы, ты отличный актер. Зачем тебе сытая, но совершенно никчемная жизнь у богатого покровителя?

– Мы с Генри друзья, – возразил Уильям. – Я посвятил ему поэму и недавно написал несколько сонетов. Может быть, стоит попробовать заняться поэзией всерьез?

– Твое призвание – театр. Подумай об этом, Уильям. Мой отец собирается организовывать собственную театральную труппу. Я ухожу от Хенсло. В любой момент ты можешь присоединиться к нам.

– Спасибо, Джеймс, – Уильям пожал руку друга и вернулся в изысканную гостиную графа.

Он понимал, что во многом Бербридж прав. Но теперь возле Генри его держало не только богатое содержание, но и женщина, чье изображение он однажды увидел на портрете. Она не выходила у него из головы, она жила в его сердце. И сонеты, написанные Уильямом, были, конечно, посвящены ей. Темноволосой, смуглой красавице, которую он и не надеялся покорить.

– О чем вы говорили с Джеймсом? – поинтересовался

граф, заходя в комнату.

– Он зовет меня обратно в театр, – честно ответил Уильям.

– Тебе не стоит этого делать, – взгляд графа стал жестче, – здесь ты имеешь все, что нужно человеку искусства: деньги, возможность писать, признание, – он выразительно посмотрел на Уилла, – и, конечно, мою дружбу.

– Я понимаю и всегда буду благодарен тебе за все, что ты для меня сделал, – Уильям не возражал графу, в душе признавая его правоту.

– Кстати, твои сонеты мне понравились. Мне посвящают стихи и другие поэты, Уильям. Не забывай про это. Пока то, что ты пишешь, превосходит все остальное. Но времена меняются. Твое место может занять кто-то другой.

– Я же сказал, Генри, что не собираюсь бросать тебя, – возразил Уильям.

– Главное, чтобы ты также думал, – граф внимательно посмотрел на своего друга. – В том, что ты умеешь красиво произносить пустые слова, я и не сомневался...

Обычно планы, мечты, надежды рушатся в одночасье. Ни один, ни другой не предполагали, что их разговор не имел никакого смысла, потому что в жизни порой происходят события, которых не ожидает никто.

Все началось с приезда к Уильяму в Лондон его собственной семьи. Он редко бывал в своей комнате у берегов Темзы, практически все время проводя у графа. Но письма шли из одного места в другое медленно. Да и делиться с женой новостями Уильям не спешил. Все, о чем он упоминал в письмах, касалось лишь приветов от Ричарда Филда, да краткого описания того, что происходило в театре. На письмах стоял адрес дома, в котором находилась комната Уильяма, а вовсе не название замка Генри Ризли.

Анна приехала в Лондон с детьми, не предупредив Уильяма заранее. Да, пожалуй, и сложно было бы ее в таком внезапном приезде обвинять. Она долго не решалась написать ему письмо, а когда решилась, стало понятно, что, скорее всего, она доберется до Лондона быстрее.

Хозяйка дома открыла дверь и увидела перед собой полную, довольно красивую, высокую женщину, рядом с которой стояла девочка лет десяти и восьмилетние близнецы, мальчик с девчушкой.

– У меня комнат свободных нет, – сразу заявила хозяйка, предпочитавшая сдавать комнаты актерам близлежащих театров.

– Я ищу Уильяма Шекспира. Я его жена, – пролепетала Анна. – Он присылал мне письма, на которых был указан ваш адрес.

– Уилл! – всплеснула руками женщина. – Не знала, что у него есть жена и дети. Проходите. Я провожу вас в его ком-

нату. Но самого Уильяма нет. Он здесь в последнее время появляется редко. Впрочем, платит исправно. А больше меня ничего и не интересует.

– Как мне его найти? – спросила растерявшаяся еще больше Анна.

– Не знаю, – пожала плечами хозяйка. – Попробуйте сходить в театр. Может, они что-то знают. Тут совсем недалеко. Пока располагайтесь в его комнате.

– Спасибо, – Анна устало опустилась на стул.

В театре сведения оказались столь же скупы.

– Уильям бывает здесь редко, – отводя глаза, отвечали его друзья. – Он ставит спектакли графу Саутгемптону, поэтому проводит в замке много времени. Когда появится, не знаем.

И Анна решила просто ждать. Денег, которые она взяла с собой, должно было хватить на некоторое время. Она надеялась, что Уильям в какой-то момент все-таки появится у себя дома до того, как она потратит последний пенни.

Однажды Уильям зашел домой, чтобы заплатить за комнату.

– Вас ждут, – заговорчески прошептала ему хозяйка.

– Кто? – опешил Уилл.

– Ваша жена и дети. Они уж недели две живут в вашей комнате и ждут, когда вы, наконец, объявитесь. Даже в театр ходили. Но, видимо, без особого успеха.

– Жена и дети? – с тех пор, как Уильям большую часть времени стал проводить у графа, он начисто забыл об их су-

ществовании.

Быстро поднявшись по лестнице, он застыл у двери, не зная, что делать дальше. Больше всего хотелось сбежать обратно вниз и сделать вид, что его здесь и не бывало. Потом, Уильям глубоко вздохнул, собрал волю в кулак и вошел в комнату.

– О, Боже! Уильям! – закричала Анна, бросаясь ему на шею. Дети стеснительно топтались рядом.

– Анна, зачем ты приехала? Да еще привезла с собой детей? – отстранился Уильям.

– Я думала, прошло достаточно времени с тех пор, как ты уехал, – торопливо стала объяснять она. – Эти четыре года ты исправно отправлял нам деньги, и я подумала, раз у тебя все в порядке, то можно нам и ехать. Тут еще мой дядя собрался в Лондон на ярмарку. Он согласился взять нас с собой. Так, знаешь, мне показалось будет безопаснее.

– Это точно, – подтвердил Уильям, – вот в этом ты права.

– Ты не рад нашему приезду? – глаза Анны наполнились слезами.

Уильям вспомнил, как это бывало раньше: он не мог выносить вида ее печальных глаз, в которых как по мановению волшебной палочки появлялись слезы. Если Анна начинала моргать, то они катились по ее лицу, и Уильям всегда в этот момент ей уступал.

– Хорошо, хорошо. Оставайтесь. Я не рассчитывал тебя увидеть. Понимаешь, неожиданно получилось. Я живу по

большей части у графа Саутгемптона. Он мне дает заказы. Я пишу для него пьесы, поэмы, сонеты, – сбивчиво объяснял Уильям, – но коль вы приехали, то конечно оставайтесь, – он понимал, что погибает, что рушится вся его жизнь, только недавно начавшая меняться к лучшему. – Надо снять квартиру побольше. Здесь мы разместиться не сможем.

Анна оглядела небольшое помещение. Она спала вместе с детьми на кровати Уильяма. Но впятером им, на самом деле, не уместиться в комнате никак.

– Я отправлюсь на поиски квартиры прямо сейчас, – объявил он. – Если сразу не найдется ничего подходящего, то поеду обратно к графу. А вы пока живите здесь.

Внизу Уильяма поджидала хозяйка.

– Представляю, как вы обрадовались приезду семьи, – сказала она. – Но что вы будете делать дальше?

– Иду искать квартиру, – ответил Уильям печально, – другого выхода нет.

– Возле городских ворот живет моя подруга. Она вам может сдать несколько комнат. До вашего театра оттуда даже чуть ближе.

– Могу я пойти к ней прямо сейчас?

– Конечно. Скажите, что от меня, и она вас устроит наилучшим образом, – заверила Уильяма хозяйка.

В тот же день семья Шекспира переехала на новое место. Анна бросилась обустраивать свой новый дом, отмывая комнаты и раскладывая вещи по местам. Уильям отпросился к

графу – рассказать про приезд семьи и невозможность более проводить много времени в замке.

– Жена и дети? – Генри в недоумении посмотрел на Уилла. – Я и не знал, что они у тебя есть. Как ты умудрился от них сбежать?

– Анна меня в итоге отпустила сама. Но прошло четыре года, и она решила, что я вполне тут устроился. Генри, пойми, я вынужден буду хотя бы первое время пожить с ними. Я обещаю навещать тебя, как можно чаще, ставить для тебя новые пьесы и писать стихи. Не сомневайся! – Уильям страдал от невозможности выразить все обуревавшие его чувства.

– Я понимаю, – снисходительно кивнул граф, – возвращайся к своей семье. Ты помнишь, что завтра турнир сонетов? Надеюсь, сможешь прийти. Я на тебя делал ставку.

– Конечно, – заверил его пылко Уильям, – я обязательно приду. И даже напишу что-то новое. Ты можешь на меня рассчитывать.

– Отлично, – хлопнул граф ладонью по столу, – ступай. Увидимся завтра.

Уильям понуро поплелся домой. Вместо грандиозного ужина у графа его ждало скромное застолье с женой и детьми.

– Завтра мы можем сходить в гости к Филду, – предложила Анна за ужином. – Ты писал, у него родился сын. И что дела в типографии идут неплохо.

– Да, он только напечатал мою новую поэму, – Уильям

откашлялся. – Но завтра у графа состоится турнир сонетов. Я должен там присутствовать.

– Ты пишешь сонеты? – удивилась Анна.

– Немного пишу. Говорят, получается неплохо.

– Ты бросил театр? Мне сказали, что ты там и не появляешься, – спросила жена, как бы между прочим.

– Ты ходила в театр?

– Да, в день, когда приехала, я пыталась разыскать тебя. Но они сказали, ты туда редко приходишь, – оправдывалась Анна.

– Я не бросил театр, – начал объяснять Уильям со вздохом. – Я пишу пьесы. Но играю в основном для графа и его гостей.

– Что ж, наверное, ты прав, – Анна начала убирать со стола. – У твоего покровителя бывают в гостях красивые дамы? – неожиданно поинтересовалась она.

– Бывают. Но у тебя нет повода для ревности. Для них я – никто. Фаворит графа, актер и сочинитель пьес. Дамы из высшего общества не обращают никакого внимания на подобных людей.

– Тебя это обижает?

– Пожалуй, нет, Анна. Поверь, – Уильям посмотрел на жену, – уехав из Стрэтфорда, я нашел то, что хотел. Я стал играть в театре и писать. Иногда меня даже издает Филд, и мои книги раскупают! Но я не собирался искать себе другую женщину.

Анна подошла к нему и крепко обняла.

– Надеюсь, теперь мы сможем быть вместе.

Уильям поблагодарил жену за ужин и пошел в другую комнату. Он достал исписанные листки бумаги, прочел написанное, и продолжил работу над новой пьесой. Он планировал отдать комедию в новый театр, который открывал отец Джеймса Бербриджа, и старался успеть дописать ее как можно скорее.

Что женская любовь, что преданность слепая? Они мужчине преграждают путь. Не видеть глаз, наполненных печалью, не слышать слов, что нежности полны, не чувствовать руки ласкающей движенья, и алых губ не пробовать, увы. На всем поставить крест, похоронить, оставить в прошлом. Пусть плачет Анна верная моя.

По дороге на турнир графа Уильям заскочил к Филду.

– Ричард, ко мне приехала жена, – сообщил он с порога.

– Конец разгульной жизни, – расхохотался Филд. – Вспомнишь, как это бывает, жить с женой и детьми.

– Уже вспомнил. Мы можем зайти как-нибудь к вам в гости? Анна хочет познакомиться с твоей женой. Я подумал, что это может быть неплохой идеей. Она в Лондоне ведь никого не знает. Лишний раз боится на улицу выйти.

– Приходите. Наша жизнь это тебе не приемы у графа, Уилл. Мы будем рады вас видеть у себя. Ты-то теперь у нас не частый гость, – с укоризной сказал Ричард.

– Прости и постарайся не обижаться. У меня много работы. И этим нужно пользоваться. Расположение графа – сегодня есть, а завтра нет. Ладно, Ричард, я побегу. Вот и сегодня – турнир поэтов. И я не могу не участвовать.

– Беги, беги, – Филд похлопал друга по спине, – и приходите с Анной. Будем ждать.

Турнир у графа закончился далеко за полночь. Уильям выступил достойно, вырвав победу у своего старого соперника Роберта Грина. Когда гости разошлись, граф велел подать им с Уильямом вина.

– За тебя, мой друг, – провозгласил он тост, – равных тебе нет. Англия получила нового великого поэта.

Уильям отпил вина и вспомнил о том, что дома теперь его ждет Анна. Он обещал ей вернуться домой после ужина у графа.

– Генри, прости, но мне придется сейчас уйти. Меня ждет жена.

– Обычно ты оставался в замке, – процедил сквозь зубы граф. – Времена меняются, не так ли? Только в лучшую ли для тебя сторону, вот в чем вопрос.

– Генри, я приду завтра. Если хочешь, – предложил Уилл.

– Приходи, пожалуйста. Но я бы не хотел, чтобы ты куда-либо торопился. Либо не приходи вовсе.

– Конечно. Во сколько мне быть у тебя? – с готовностью спросил Уильям.

– К обеду. Как обычно в двенадцать. И не опаздывай. Да-

же если тебя будут задерживать дома три жены, – Генри рас­смеялся собственной шутке, но смех его был неискренним.

Уильям вышел на темную улицу. Обычно граф давал ему свою карету, но в этот раз Уильяму предстояло проделать дол­гий путь пешком. Он шел, и тревога не покидала его. Что-то подсказывало: дружбе с графом вскоре настанет ко­нец. И дело будет совсем не в Анне. Перед его взором снова всплыло лицо прекрасной незнакомки с портрета. Граф не терял надежды познакомиться с ней. А Уильям продолжал ей посвящать свои сонеты.

Прийти к графу на обед Уильяму было не суждено – в Лондон пришла чума.

На самом деле все началось гораздо раньше. Но люди склонны не замечать дурных предзнаменований, пока эти са­мые предзнаменования не превращаются в реальные факты, с настырностью лезущие в каждую щель. Вот так и чума по­тихоньку забирала жизнь за жизнью, и лишь когда пробра­лась практически во все дома, люди забили тревогу.

Район, в котором поселился Уильям с семьей, был перена­селенным. Рядом – ворота в город, мост через Темзу, непо­далеку проводились многочисленные ярмарки, стрельбища, народные гуляния в праздники и выходные дни. Вокруг рас­сыпались таверны и постоянные дворы. Чуть дальше за чер­той города располагалась большая часть театров. Порой, что­бы пройти к дому, Уильяму приходилось продирааться через

плотную толпу народа, снующего туда-сюда по делу и без.

Когда в город приходила чума, то судили о величине опасности по тому, работают театры или нет. Если театры были по-прежнему открыты, народ вздыхал спокойно. Власти заставляли прекращать представления, если количество смертей переваливало за пятьдесят. До июня 1592 года Лондон продолжал жить прежней жизнью, не обращая внимания на то, что болезнь постепенно накрывает город.

В тот день Уильям пришел в театр Розы, повидаться с Джеймсом, и рассказать ему, как продвигаются дела с новой пьесой. Театр был закрыт. Уильям покрутил головой и решил пройтись до второго театра, расположенного неподалеку. Он подошел к зданию и увидел, как какой-то человек забивал досками входную дверь.

– Эй, что случилось? – окликнул его Уильям.

– Посмотри вокруг и увидишь, – огрызнулся мужчина. – Чума! Театры закрыты, – он повернулся к Уильяму спиной, показывая, что беседа окончена.

Шекспир растерянно оглянулся и заметил, что народу на улице было крайне мало. Он медленно побрел в сторону дома. Двери большинства зданий, попадавшихся ему на пути, заколотили, те редкие прохожие, которые проходили мимо, старались не смотреть на него, и быстро исчезали из виду. На мосту скопились телеги: из города уезжали жители. Уильям пошел быстрее.

– Анна, нам всем нужно срочно уезжать, – сказал он жене

с порога.

– Но мы только приехали, – испуганно захлопала она глазами. – Мы хотели бы остаться с тобой подольше.

– В Лондоне чума. Собирай вещи. А я попробую найти телегу. Мы возвращаемся в Стрэтфорд.

Анна заплакала, но, понимая, что Уильям прав, молча начала собирать вещи. К вечеру они выехали из окутанного паникой города. Те, кто успел, уже были далеко. Оставшиеся старались не выходить на улицу или, напротив, кутили в тех немногих кабаках, которые оставались открыты.

Телегу подбрасывало на ухабах. Уставшие дети спали на коленях у матери. Уильям подстегивал клячу, с трудом тянущую их повозку. На дорогах, несмотря на эпидемию, орудовали разбойники, не боявшиеся ни черта, ни бога, поэтому добраться до ближайшего постоянного двора желательно было побыстрее.

Спать все же пришлось в телеге: на постоянных дворах либо не было свободных комнат, либо они стояли заколоченными. Уильям устроился на ночлег возле таких же, как и они, бежавших из Лондона горожан. Кто-то шел пешком и поэтому спал прямо на земле, кто-то пристроился в повозке. Ночную тишину время от времени нарушал плач маленьких детей, чей-то храп, негромкие стоны и кряхтение стариков.

Утром, собираясь продолжить свой путь, Уильям услышал свое имя:

– Уилл, друг! Ты ли это? – он посмотрел по сторонам и

увидел, как к нему идет Бербридж.

– Джеймс?! Ты как тут? – Уильям искренне обрадовался, увидев исполнителя всех главных ролей в своих пьесах.

– Мы с отцом и его новой труппой вынуждены были покинуть Лондон. Будем давать представления, где придется. Пока иного выхода нет. Отец не хочет распускать актеров. Присоединяйся к нам. Предложение остается в силе. Отличный актер и прекрасный драматург в одном лице еще никому не помешал.

– Спасибо, Джеймс! – Уильям не верил в свою удачу. – Конечно, я с вами! – тут он вспомнил об Анне и детях, которых надо было доставить в Стрэтфорд. – М-м-м, со мной моя семья. Сначала я должен отвезти их домой.

– Подожди минуту, не уезжай, – попросил его Бербридж. – Я поговорю с отцом. Какая нам разница, куда ехать. Может, мы сможем вместе доехать до Стрэтфорда, дать там пару спектаклей, а затем двигаться дальше, забрав тебя с собой.

Джеймс побежал к стоявшей неподалеку телеге. Там сидело человек пять, свесив ноги, весело болтая и попивая крепкое пиво. Джеймс начал им что-то быстро говорить, показывая в сторону Уильяма. Они приветливо замахали ему руками.

– Порядок! – вернулся запыхавшийся от предпринятых усилий актер. – Мы едем с вами.

Раньше она любила посмотреть на себя лишний раз в зеркало. Даже несмотря на перенесенную много лет назад оспу, наложившую свой отпечаток на ее лицо, Елизавета долгое время считала его красивым. Теперь все зеркала из спальни она велела убрать. Придворные рассыпались перед ней в любезностях, а она предпочитала принимать лесть за истинные проявления чувств. Если не смотреться в зеркало, то вполне можно было убедить себя в том, что ее красота с годами не увядает.

Самыми печальными стали одинокие ночи в спальне, когда ей никак не удавалось уснуть. Она начинала перебирать бумаги в своих шкатулках, перечитывала последнее письмо Дадли, свои стихотворения, крутила в руках подарки Роберта, вспоминая, когда он их преподносил и что говорил при этом.

Старея внешне, Елизавета не переставала быть молодой в душе. Сердце жаждало любви, ее переполняли желания, а здоровье позволяло предаваться любимым увлечениям. Королеве нравилось объезжать свои владения, путешествуя по Англии с огромной свитой, растягивающейся впечатляющим, многомильным кортежем по раздолбанной дороге. Она обожала неожиданно нагрянуть к какому-нибудь графу, а то и простому фермеру, напугав последнего до смерти своим

появлением. Елизавету и ее свиту размещали в лучших комнатах, ради них на столы ставили все имевшиеся в доме запасы еды. А после ее отъезда долго еще вспоминали, как принимали у себя саму королеву Англии.

Ей исполнилось пятьдесят девять лет, но периодически к ней, как и раньше, отправляли сватов. Елизавета стойко отстаивала незамужний статус, предпочитая окружать себя молодыми фаворитами. Графу Саутгемпτονу было всего девятнадцать, Джону Харрингтону – тридцать один. Харрингтон напоминал Елизавете молодого Дадли. Он увлекался искусством, писал стихи и памфлеты, а также увлекался переводами с итальянского и латыни.

Дворец Ричмонд, как и Тауэр, когда-то успел послужить королеве тюрьмой. Но выглядел он совсем не так, как мрачная лондонская темница. И детские воспоминания о проведенном здесь времени заставляли Елизавету любить это место и возвращаться сюда снова и снова. Прекрасный вид на Темзу и на окружавшие дворец парки, множество окон, которые, казалось, просто покрывали все стены дворца одним большим витражом, башенки, просторная открытая галерея – все это придавало Ричмонду непередаваемую красоту и изысканность.

Зимой Елизавета любила устраивать во дворце рождественские празднования, которые обычно длились по несколько дней, летом там устраивались театральные пред-

ставления на свежем воздухе и катания на лодках по Темзе.

– Ричмонд! Он также великолепен, как и много лет назад, – Елизавета возлежала на диване в тени векового, разлапистого дерева. – Здесь никогда не бывало так холодно, как в Тауэре. И Темза почему-то возле башни выглядит гораздо грязнее.

– Здания построены по-разному, – пустился в объяснения Харрингтон, облокотившись о спинку дивана. – Во дворце протопить помещения чуть проще. Река же за чертою города всегда чище, – последние слова крестный сын королевы уже практически шептал ей на ухо, – и в Тауэре нет таких садов и парков.

– Да, это так, – Елизавета согласно кивнула в ответ.

Вечером Елизавета стояла у окна своей спальни и смотрела на раскинувшиеся перед ней парки и на реку, что текла прямо за ними. Ей отчего-то всегда нравилось смотреть в окна. То ли от того, что виды из окон большинства королевских дворцов и замков открывались на самом деле удивительные, то ли, проведя все свои юные годы в заточении, Елизавета привыкла к тому, что смотреть вдаль на безграничные просторы ей запретить никто не мог.

– Итак, мы ничего не добиваемся. Дискредитировать Елизавету не удалось. Дадли умер, но она отклоняет предложение за предложением. Все наши проекты проваливаются. За что французский двор вам платит деньги? – ворчал пожилой

месяе, продираясь сквозь чащу леса.

– Позвольте предположить, что еще не все потеряно. Нам достоверно известно, что у королевы был сын. Наши шпионы допрашивали его на корабле, тайно следующем из Англии в Испанию.

– Вы мне уже рассказывали эти сказки. Но сына доставить к французскому двору не смогли. Где доказательства того, что это все не очередная попытка оправдать свое бездействие, бесплодность предпринимаемых усилий? – француз остановился и внимательно посмотрел в глаза собеседнику.

– Артуру Дадли удалось бежать. Он скрылся с захваченного корабля и исчез в неизвестном направлении.

– Черт с ним, оставьте уже эту тему! Разыскивайте другие факты. Вокруг Елизаветы полно молодых фаворитов. Следите за ними, платите деньги в конце концов. Кто-то ведь должен затащить ее в постель. Старушка и по сей день не так уж плоха. Продолжает блистать нарядами и дорогими украшениями. Кокетничает напропалую. Пользуйтесь возможностью. Найдите фаворита, который займет в ее сердце место графа Лейстера.

– Мы делаем все, что возможно. Нам слегка мешают испанские шпионы. Не исключено, что именно они помогли бежать сыну королевы.

– Что вы заладили? Сын королевы! Пока я не увижу его воочию, не морочьте мне этой байкой голову.

– Да, еще есть тайная шкатулка.

– Очередной миф! – француз рубанул шпагой по веткам деревьев.

– Я лично видел шкатулку в спальне Елизаветы.

– И что там внутри? Зачем нам так надо ее заполнить?

– Говорят, внутри подарки Дадли, его письма, еще какие-то бумаги, которые королева прячет от посторонних глаз. Никто не видел содержимого шкатулки, но, судя по тому, как она ее укрывает в своей спальне, ее стоило бы, – сделал он красноречивую паузу, – выкрасть.

– Подарки, письма. Возможно. Если там есть что-то, кроме романтической чепухи, которую так любят хранить женщины, то игра стоит свеч.

– Она их посвящает конкретным мужчинам. Если там стоят их имена, то неоспоримые доказательства ее чувств в наших руках.

– Не бог весть что, – пробормотал француз, – но на безрыбье, и шкатулка – рыба, – он усмехнулся. – Тащите шкатулку, коль больше нечего. Мы хоть что-то сможем представить вниманию человека, который оплачивает наши услуги. Услуги, заметьте, которых мы так и не оказали в полной мере.

– Пожалуй, организуем рыцарский турнир, – объявила Елизавета. – Граф Эссекс, будьте добры сделать все, что для этого необходимо. Прошу быть на турнире всех моих при-

ближенных.

– В Лондоне свирепствует чума, Ваше Величество. Многие разъехались, кто куда, – отвечал молодой красавчик граф.

– Меня это не должно волновать, не правда ли? – королева встала, шурша платьем. – Постарайтесь, мой юный друг, и вы будете вознаграждены по заслугам.

За несколько дней Ричмонд заполнился людьми: отказать королеве не посмел ни один ее фаворит, ни один, состоящий при дворе поданный.

– Хорошая работа, граф, – похвалила Эссекса Елизавета. Неподалеку стоял, кусая губы, Джон Харрингтон. Он становился старше и с годами явно уступал свое место возле королевы более юным. Эссекс гордо прошествовал мимо, сделав вид, что не заметил противника. Он был уверен – турнир будет за ним.

Всадники с разных сторон по очереди выезжали на площадку, расположенную прямо перед шатром королевы. Они отдавали ей честь и удалялись с поля боя. Наконец, турнир начался: Елизавета встала со своего трона и махнула платком. Облаченные в тяжелые доспехи рыцари с копьем наперевес готовились к бою.

Раз за разом Эссекс, направив своего коня прямо на противника, сваливал его с лошади и победоносно приставлял копьё к его груди. Последним против него выступал Чарльз Блаунт, появившийся в свите королевы совсем недавно. Из-

под шлема сверкнули темно-карие глаза молодого выскочки. «Сейчас и ты будешь валяться в пыли», – пообещал Эссекс, пришпорив коня. Неожиданно, он почувствовал сильный удар, конь под ним пошатнулся, и граф с удивлением осознал, что падает.

Елизавета лично поздравила победителя. Блаунт с поклоном получил из ее рук маленькую золотую брошь с изображением королевы, и тут же прикрепил ценный подарок себе на рукав.

Харрингтон наблюдал за сценой со стороны. Он с удовольствием увидел, как взбесившийся Эссекс удалился, хромя, с поля боя.

«С королевой никогда не можешь быть уверенным в завтрашнем дне, – подумал он. – Один фаворит сменяет другого. Ты планировал занять мое место, граф? Посмотрим, кто кого. Иногда молодость играет с нами злую шутку, потому что не позволяет терпеть и ждать. Осталось понаблюдать за тем, как Елизавете надоест очередной заносчивый юнец».

Внезапно Джон почувствовал, что за ним тоже кто-то наблюдает. Он оглянулся, но никого поблизости не заметил.

В тот вечер за ужином королева была в ударе. Она шутила, улыбалась шуткам фаворитов, собравшихся вокруг нее, и старавшихся наперебой угодить своей госпоже. Елизавета не вспоминала про зеркала, она снова представляла себя двадцатипятилетней. Рыжий парик и толстый слой пудры совершенно не мешали ей мечтать. А комплименты, которыми ее

забрасывали молодые люди, сладкой патокой растекались в сердце...

Глава 3. Испытание. 1594 год

К концу 1592 года вспышка чумы пошла было на спад, но не успели театры вернуться в город и снова начать давать спектакли, как к лету следующего года, страшная болезнь вновь заставила их уйти из Лондона. Уильям путешествовал по стране с театром Бербриджа, вместе со всей труппой проводя зиму в столице. Он опять сблизился с графом, но дружба их не была уже такой теплой, как раньше.

Анна безропотно оставалась в Стрэтфорде, понимая, что не имеет права подвергать детей опасности, которую таило в себе пребывание в Лондоне. Несколько раз Уильям заезжал навестить семью, но оставался в родном городе ненадолго, буквально через пару дней начиная тосковать по вольной жизни, по театру и своим друзьям.

Бывало из-под пера Уилла выходили сонеты, посвященные одной и той же женщине, царившей в его воображении безраздельно. Красотка, напуганная вспышками чумы, приехала в Лондон лишь однажды, была представлена Елизавете, но быстро уехала обратно во Францию. Граф успел с ней сблизиться. Они писали друг другу пылкие письма. Уильям, наверное, сошел бы с ума от ревности. И только то, что виделись они с Генри редко, спасало его сердце и душу от мучительных переживаний.

— Мой друг, на днях в Англию приезжает та, чей образ не

покидает меня последние два года, – сообщил граф Уильяму в начале осени.

К тому времени Лондон ожил: во всю давали представления театры, в тавернах было полно народу, активно организовывались праздники на Темзе, с фейерверками, прогулками на лодках, музыкой и танцами. По улицам прохаживались дамы в великолепных платьях из бархата, парчи, расшитые серебром и золотом. Шляпы поражали воображение прохожих вышивкой и украшениями. Молодые вельможи порой могли перещеголять нарядами дам: расшитые золотом пояса, огромные гофрированные воротники, камзолы, усыпанные драгоценными камнями, сверкали в солнечных лучах.

Уильям все чаще посещал собрания у графа Саутгемптона, охлаждение между ними потихоньку проходило, уступая место прежним близким отношениям двух одинаково сильно влюбленных в искусство людей. Уильям продолжал посвящать свои сонеты графу, не решаясь признаться в том, что они на самом деле посвящены женщине.

– Я хотел бы, чтобы вы встретились, – продолжал Генри. – Ты считаешь сонеты, а может быть, даже и напишешь пьесу к ее приезду, которую разыграют твои друзья из нового театра.

Уильям молча кивнул.

– Ты чем-то расстроен? – заметил граф.

– Нет, я просто подумал, что вряд ли успею дописать пьесу, которую задумал, – Уильям не мог откровенно рассказать

графу о том, что чувствовал в тот момент. Его сердце разрывалось на части. Он страстно желал увидеть возлюбленную Генри, но в то же время понимал: у него нет никаких шансов на взаимность. Увидев ее воочию, он будет страдать еще больше. Шекспир был уверен – в жизни она окажется куда красивее, чем на том портрете, который ему показал когда-то граф.

– Ее зовут Элизабет Вернон, она будет фрейлиной королевы, – рассказывал граф, не замечая страданий Уильяма. – Граф Эссекс является ее кузеном.

– Ты можешь наконец на ней жениться? – спросил еле слышно Уильям.

– К сожалению, к тому слишком много препятствий, – вздохнул граф. – Во-первых, я обручен с другой. Тебе, мой друг, об этом хорошо известно. Во-вторых, я один из фаворитов королевы. А она не любит, когда ее любимчикам начинают нравиться другие женщины, особенно фрейлины. Если бы не покровительство Эссекса, то Элизабет навряд ли бы взяли ко двору. Она слишком хороша, чтобы находиться при королеве, не терпящей подобного соперничества.

День, когда к графу в гости приехала Вернон, запомнился Уильяму навсегда. С утра он не находил себе места, перечитывая отобранные для нее сонеты. В конце концов, когда он явился к графу, казалось, у него трясется каждая поджилка, а сердце стучит на весь замок.

Уильям никогда не выезжал за пределы Англии, и смуг-

лые, темноволосые женщины ему, как и большинству англичан были в диковинку. В моде на острове царил рыжий цвет волос и бледный цвет лица. Сама королева задавала тон этой моде, меняя один рыжий парик на другой и сильно напудривая лицо. Те из англичанок, кто обладал более темными волосами, старались красить их всеми подручными средствами.

Элизабет Вернон олицетворяла своим внешним видом полную противоположность идеальной английской внешности. Да и одета она была по французской моде, что также отличало ее от окружающих женщин. Граф не отходил от нее ни на шаг. В какой-то момент он подозвал к себе Уильяма и представил их друг другу:

– Уильям Шекспир, выдающийся поэт и прекрасный драматург. Элизабет Вернон, самая красивая из всех женщин, которых я когда-либо встречал.

Вернон засмеялась, дотронувшись кончиками пальцев до руки Уильяма. По его телу пробежала дрожь. Он поклонился, не осмелившись ничего сказать в ответ. Уильям и предположить не мог, что обратил на себя внимание красавицы Элизабет. За годы, прожитые в Лондоне, играя в театре и вращаясь в высшем обществе, в который ввел его граф, Уильям сильно изменился, и совсем не был похож на приехавшего когда-то покорять столицу молодого человека.

Перед Элизабет стоял высокий, стройный мужчина с открытым лбом, тонкими чертами лица, обрамленного выющи-

мися темными волосами до плеч, аккуратными усами и бородкой. Он был одет изысканно, но не вызывающе. Его умные глаза словно видели ее насквозь, словно читали самые потаенные мысли, словно умели заглядывать в дальние уголки ее души.

Молодой, щеголеватый, белокурый граф рядом с Уильямом выглядел мальчишкой, впрочем, не лишенным обаяния. Элизабет перевела взгляд с одного мужчины на другого и все же остановилась на Уильяме:

– Почитайте что-нибудь, пожалуйста, – попросила она, и Уильяму показалось, что с ним говорит божество, не иначе.

– К вашим услугам, – промолвил он и откашлялся.

– Да, что с тобой, Уильям? – спросил насмешливо граф. – Ты теряешься перед красивой женщиной? Не стоит! Расслабься. Элизабет обладает снисходительным характером. Так что не будет ругать твои сонеты даже, если они ей не понравятся, – и он привычно расхохотался собственной шутке.

Шекспир начал читать. Строчку за строчкой, сонет за сонетом. Когда он закончил, Вернон внимательно посмотрела на него и спросила:

– Кому вы посвятили эти замечательные стихи?

– Мне, – встрял граф, – все сонеты посвящены мне.

– Граф, но они явно посвящены женщине, а не мужчине, – возразила Элизабет. – Кто эта женщина, которая пробудила в вас такие сильные чувства? – обратилась она снова к Уильяму.

«Вы», – чуть у него не слетело с языка, но он поймал местоимение на лету.

– Я не думал о конкретной женщине, когда писал сонеты, – заговорил он. – Иной раз, видишь чей-то портрет или перед тобой мелькает и исчезает лицо в толпе, а после нереальный образ витает у тебя в воображении. Когда я пишу, я представляю себе этот образ, не имеющий ничего общего с определенной дамой. В этом сила искусства. Если посвящать стихи какому-то вымышленному образу, то каждая конкретная женщина будет видеть в нем себя.

– Bravo! – захлопала в ладоши Элизабет. – Как тонко вы выразились, Уильям!

– Думаю, у вас будет еще возможность встретиться, – раздался голос графа. – Уилл готовит к постановке новую пьесу. Специально к вашему приезду, мадам.

– О чем вы пишете? – спросила она.

– О любви, – просто ответил Шекспир. – О чем я могу еще писать в честь вашего приезда?

Вернувшись домой в тот вечер, Уильям долго не мог уснуть. Он ходил из угла в угол и думал о прекрасной француженке. К утру Уильям чувствовал себя разбитым, усталым и по уши влюбленным. До этого дня образ Элизабет был размытым, и обретал реальные черты лишь силой буйной фантазии. Теперь портрет вышел из рамы – перед его взором стояла женщина из плоти и крови, которая была гораздо красивее любой воображаемой картинки.

Уильям достал из ящика стола начатую пьесу, посмотрел на листки бумаги и засунул их обратно в стол.

– Не годится. Совсем не годится, – пробурчал он и вынул пачку чистой бумаги.

Он не выходил из дома в течение нескольких дней, исписывая страницу за страницей. Первую часть пьесы Шекспир задумал, как комедию, во второй части комедия уступала место настоящей трагедии: смех зрителей должен был смениться слезами. То, что вначале казалось беззаботным приключением двух влюбленных друг в друга молодых людей, в конце оборачивалось нелепой смертью обоих.

В театр Бербриджа Уильям пришел, шатаясь от усталости.

– Вот пьеса, – кинул он отцу Джеймса стопку страниц на стол. – Граф Саутгемптон просит ее поставить и сыграть для его гости в ближайшее время.

– Хороший заработок! – весело отозвался старший Бербридж. – Спасибо, сынок. Ты, как всегда, вовремя. Пьес не хватает, а зритель каждый день требует чего-нибудь новенького. Сначала сыграем для графа, потом настанет черед простой публики.

Перед замком была сооружена сцена, актеры усиленно гримировались в выделенной для них комнате. Особенно усердствовали те, кому предстояло играть женские роли. В передних рядах сидели граф и Элизабет Вернон. Неподалеку примостился и сам автор пьесы. Остальные гости беспорядочно расселись по всему саду, переговариваясь и по ходу

дела просматривая программку.

«Ромео и Джульетта – значилось в заглавии, – автор: Уильям Шекспир, исполнители: актеры театра “Глобус”. Пьеса в двух действиях».

Уильям не написал, будет ли это комедия или трагедия, и хранил стойкое молчание по этому поводу. Как он и рассчитывал, в первом действии актеры веселили публику на славу. Конфликт между двумя итальянскими семьями, не дававший нормально встречаться двум влюбленным, вначале совсем не предполагал трагической развязки. Молодые люди тайно встречались, им помогали друзья и слуги, как это чаще всего и бывало в пьесах такого рода.

В перерыве Элизабет приветливо помахала рукой Уильяму. Граф оставил ее ненадолго и подошел к своему другу:

– Я думал, ты напишешь что-то более романтическое. Более трагическое, что ли, – с укоризной произнес он. – Я не предполагал, что ты будешь писать комедию. Уильям, мне хотелось заставить Элизабет рыдать в моих объятиях после спектакля. А она смеется и радуется каждой сцене, как ребенок.

– Не торопись, – грустно ответил Шекспир, – все еще впереди. Будет тебе и трагедия, и слезы.

В конце второго действия публика прикладывала платки к глазам. Как и обещал Уильям графу, трагедия началась практически сразу. Нелепые совпадения, которые довели влюбленных до могилы, вызвали в зрителях такую бурю эмоций, что в самом конце некоторые дамы даже упали в обморок.

Элизабет не сдерживала слез.

— Как это ужасно, — повторяла она, проходя в замок к накрытому столу, — как ужасно. После такого совсем не хочется даже притрагиваться к еде.

Несмотря на весь трагизм разыгравшейся перед ними сцены, гости не без аппетита приступили к трапезе. Уильям с удовольствием ловил на себе время от времени заинтересованные взгляды француженки. Отбить Элизабет у графа ему и в голову не приходило, но успех пьесы окрылял и давал надежду хоть на каплю взаимности с ее стороны.

В последующие дни Уильям все больше проводил времени дома или в театре. Возвращаться к графу не хотелось. Он боялся выдать ненароком свои чувства, посмотреть неподобающим образом в сторону возлюбленной Генри Ризли, сказать что-то, выдающее его с головой. Но вскоре ему принесли записку, дурманяще пахнущую духами:

«Вы давно не появлялись у графа. Я скучаю. Элизабет».

Уильям перечитывал несколько слов, написанных маленькой женской ручкой, и не знал, как ему поступить в сложившейся ситуации. Конечно, граф не был ему другом в полном смысле этого слова. Конечно, он не давал ему клятвы верности. Тем более, он не брал на себя обязательство не влюбляться в Элизабет Вернон. Но стать соперником графа? Уильям даже представить себе не мог, как он осмелится ухаживать за женщиной, которую так любил граф.

Тем удивительнее было событие, произошедшее сразу по-

сле этого. За запиской Элизабет последовала записка от Генри:

«Мой друг, извольте все-таки явиться ко мне в замок. У меня в гостях бывает известная вам особа, которая все более скучает по вам. Каждый раз появляясь в моем замке, она спрашивает, как поживает драматург и поэт Уильям Шекспир. Чтобы наиболее точно ответить на ее вопрос, лучше будет, если это сделаете вы лично. Генри Ризли, граф Саутгемптон».

Ну что ж, мосты были сожжены. Уильям облачился в свой лучший камзол, нацепил шпагу, надел сшитую по последней моде шляпу и выехал в сторону замка. По дороге он репетировал различные фразы, с помощью которых он будет оправдывать свое отсутствие у графа. Так, не переставая что-то бормотать себе под нос, он и въехал во владения своего высокопоставленного друга.

– Боже мой! Вы явились, наконец! – ему навстречу чуть не бежала самая обожаемая из женщин. Ее чудные, темные локоны развевались на ветру, карие глаза блестели, а изысканное платье облегло тонкий стан. Уильям спешил, но не осмелился подойти ближе.

– Без вас тут было скучно, – продолжала говорить Элизабет. – Граф обещал еще спектакли, но вы так и не явились. И ваш театр пропал совсем из виду! Уильям, так не честно! Вы очаровали меня своими сонетами, пьесой, в которой все главные герои, к сожалению, умирают в самом конце, не об-

реть счастья. Но вы не спешите очаровывать меня дальше!

— Я не смел являться сюда, — попытался найти себе оправдание Уильям. — Я думал, вы захотите больше проводить времени с графом. Я — лишь актер и весьма посредственный драматург...

— Не смейте говорить так о себе! — воскликнула Элизабет. — Вы гений! Вам нет равных! Поверьте! Я приехала из Парижа, где полно поэтов, пытающихся писать в честь возлюбленных возвышенные оды. Им не сравниться с вами.

— Вы мне льстите, — Уильям прикоснулся губами к ее руке, — но я готов слушать вашу лесть, сколь угодно долго.

— Лучше прочтите что-нибудь, — потребовала Элизабет. — У вас есть новые сонеты? Вы написали что-нибудь новое за эти дни? Или бездельничали, ожидая от меня письма?

— Бездельничал, — Уильям посмотрел ей в глаза смелее, — но я дождался того, чего хотел, не правда ли?

— А вы опасны, — Вернон не стала отводить взгляд.

И если бы не граф, появившийся в начале аллеи, Уильям совсем не был уверен, смог бы он сдержаться от того, чтобы не поцеловать Элизабет.

— Представьте, Генри, он ничего не писал все эти дни, — она кокетливо улыбнулась графу.

— Так бывает у людей искусства. Тем более, что новая пьеса потребовала от Уильяма больших усилий, — граф посмотрел в сторону Шекспира. — Чем же ты был занят все эти дни, что не писал, но и не радовал нас своим присутствием?

– Я размышлял о превратностях судьбы, – Уильям понимал: одно лишнее слово и Генри догадается о его чувствах, которые и так было сложно скрывать. – Жизнь порой сталкивает с такими людьми, которых и представить не мог рядом с собой. Например, мое знакомство с графом – разве я помышлял, что буду удостоен его дружбы?

– Уильям прав, – обратился Генри к Элизабет. – Увидев впервые ваш портрет, я тоже не мог не только мечтать о взаимности, но просто о знакомстве с такой женщиной.

Вернон обратилась к Уильяму:

– А что же вы? Считаете ли вы наше знакомство счастливым поворотом судьбы? Лично я никогда не мечтала о знакомстве с драматургом и поэтом, да еще таким талантливым, как вы.

– Ваша благосклонность, ваши слова – это наивысшее счастье. Мой скромный талант я готов целиком и полностью посвятить вам, – Уильям поклонился. – Если вы не против, я осмелюсь написать несколько сонетов специально для вас.

Беседа начала графу надоедать. Он чувствовал, что Уильяма и Элизабет странным образом влечет друг к другу. Он видел, как они обмениваются взглядами, как Уильям то краснеет, то бледнеет в ее присутствии. Вечером, оставшись вдвоем со своим другом, Генри спросил его:

– Скажи честно, ты влюблен в Элизабет?

Уильям смутился, но решил быть честен с графом.

– Да, к сожалению, это истинная правда, и я не в силах

скрывать от тебя моих чувств. Если ты запретишь мне появляться в твоём доме, то будешь прав.

– Зачем же? – усмехнулся граф. – Пусть жизнь рассудит. Ты сам тут размышлял сегодня о превратностях судьбы. Я вижу, мы оба нравимся красотке Вернон. Что ж, она сделает свой выбор.

– Разве я могу быть соперником графу? Может быть, я нравлюсь Элизабет, но говорит ли это о чём-то? Пожалуй, нет. В любом случае, мы не сможем быть вместе.

– Уильям, ты сам знаешь, что любовь непредсказуема. И если женщина влюблена, то бывает способна на многое. Мне казалось, Элизабет проявляет ко мне благосклонность. Мы писали друг другу пылкие письма, хотели увидеться, и так оба ждали ее приезда в Лондон. Но женщины ветрены. Я вижу взгляды, которые она кидает в твою сторону. Я чувствую, она стала чуть более холодна ко мне. Мы будем ухаживать за ней оба, и я не собираюсь запрещать тебе здесь появляться.

– Ты очень благороден, Генри, – Уильям смутился. – Не знаю, чем я заслужил твое расположение.

– Не обольщайся, мой друг. Это не благородство, а простое желание одного мужчины доказать свое превосходство над другим. Это вызов. А с другой стороны, женщина не должна лишать меня твоего общества. Надеюсь увидеть еще не одну твою пьесу, поставленную на моей сцене. Да, между прочим, Элизабет теперь много времени будет проводить при дворе – она стала фрейлиной королевы. И мне надо быть

очень осторожным, ухаживая за ней, чтобы не потерять расположения Елизаветы. Мы с тобой находимся практически в одинаковых условиях.

— И тем не менее, спасибо, граф. Я искренне благодарен вам за дружбу.

В полном смятении от обуревавших его чувств, Уильям отправился домой. Он искренне любил Генри, и был благодарен ему за то, что обаятельный граф делал для него. Но эта дружба порой начинала его тяготить. Уильям понимал: в только что разыгранной, как по нотам сцене, Генри лишь хотел казаться открытым и честным. Он был слишком уверен в своей победе в любовной схватке, поэтому проявлял снисходителен к Уильяму. Сын перчаточника из Стрэтфорда, пусть даже и ставший известным драматургом, никогда не сможет составить достойную конкуренцию богатому графу, фавориту самой королевы.

Уильям в который раз подумал о возвращении в театр. Джеймс Бербридж всегда был рад видеть его, и продолжал звать в «Глобус». Не то чтобы Уильям больше не имел к театру никакого отношения. Но, проводя массу времени в литературной гостиной графа, и участвуя в постановке пьес для него и его гостей, он не мог постоянно работать у Бербриджа. А если вернуться к постоянной актерской работе, то он будет реже бывать у графа, меньше видаться с Элизабет. И, может быть, даже сумеет совсем выбросить ее из головы...

– Ты снова с нами, и это здорово! – Джеймс был искренне рад возвращению Уильяма в «Глобус». Они сидели вместе с другими актерами в таверне и обсуждали новые постановки.

– Пьесы, как и раньше, театры нагло друг у друга крадут, – продолжил Бербридж, – поэтому все, что ты для нас пишешь, имеет огромную ценность. Ты знаешь, «Ромео и Джульетта» идет с огромным успехом, но не бросай, пожалуйста, исторические драмы. Публика на них ревет от восторга.

– То, что замешано на крови и связано с любовью и смертью, всегда будет иметь успех, – пробормотал Уильям. – В целом, жизнь человеческая скучна. Она лишена всех этих жутких драм...

– И Слава Богу! – встрял Джеймс.

– Да, но мы жаждем страстей, которые бы разрывали нам сердце. Посмотри, как мало сейчас на сцене разыгрывается комедий. Из десяти пьес, что я написал, всего четыре – комедии. И часто ли театр их ставит?

– Ты прав, гораздо реже, чем трагедии, – Джеймс почесал в голове. – Уильям, с тобой что-то происходит. Ты как-то странно выглядишь в последнее время. Вот и сейчас, ты рассуждаешь о том, что хочет видеть зритель, а сам явно думаешь о другом. Да и твое возвращение в театр, это скорее просто бегство от графа. Вы в ссоре?

– Нет, пожалуй, нет. Я сбежал от Генри, потому что влюбился в его даму сердца.

– Вот так дела! – воскликнул Джеймс и заказал еще эля. – А попроще никого не нашлось? Только дама графа?

– Я же не нарочно! Признаюсь честно, я увидел ее изображение еще два года назад. Все мои сонеты посвящены Элизабет, а не графу, – Уильям вздохнул.

– Можно было догадаться, что ты писал их женщине. Но я полагал, она – вымышленный образ. И что теперь?

– Теперь я здесь с тобой и снова работаю в театре. Я ей нравлюсь. Граф видит, что происходит. Он предложил честный поединок: мол, ты можешь приходить в мой дом, как и прежде. Пусть Элизабет сама сделает свой выбор. Но слышал бы ты, как он это говорил! Генри уверен в своем превосходстве. Фрейлина королевы никогда не выберет актера.

– Не забывай, Уильям, ты к тому же женат. А граф, кроме своего положения и денег, вполне может предложить ей руку и сердце. Любая женщина сделала бы выбор в его пользу, – Джеймс похлопал друга по плечу. – Не расстраивайся. Куда удобнее любить изображение на портрете, чем реальную женщину. Портрет молчалив, предан тебе, у него не меняется каждую минуту настроение.

– Портрет не дышит, не смотрит тебе в глаза, не дотрагивается до твоей руки, не смеется и не плачет. Если бы не увидел настоящую, живую Элизабет, я бы довольствовался портретом. Но увидев ее, я не смогу держать в памяти изображение. Я всегда буду помнить реальную женщину.

На улице стало совсем темно.

– Пожалуй, пойдем по домам, – предложил Джеймс. – Завтра днем спектакль. Надо выспаться, чтобы бодрее играть в любовь. Уильям, если она тебя так вдохновляет, люби. Главное, чтобы от этого не пострадали твои отношения с графом. Все-таки он покровительствует тебе и театру. Не надо разрушать из-за женщины то, чего ты добился своим талантом.

– Спасибо за совет, друг, – Уильям кивнул, в душе будучи, тем не менее, уверен, что готов бросить к ногам Элизабет все.

В спектаклях ему редко доставались главные роли. Вот и на сей раз, Уильям то и дело переодевался, изображая на сцене трех разных второстепенных персонажа. В главной роли, как обычно, блистал Джеймс Бербридж. Уильям с удовольствием писал пьесы специально под него: талант Джеймса был неоспорим.

Зал взрывался аплодисментами. «Как хорошо, что я вернулся, – подумал Уил. – Я и не думал, что так соскучился по обычной публике, которая готова стоять на ногах два часа подряд ради написанных тобой строк, ради игры Джеймса». Он вернулся на сцену, чтобы сказать очередные реплики, и вдруг увидел ее.

Элизабет сидела в ложе слева от сцены. На голове у нее красовалась прекрасная шляпа, украшенная яркими цветами. Из-под шляпы выбивались темные локоны. Уильям словно во сне произнес свои слова и остался стоять у края сцены, не в силах отвести взгляд от Элизабет.

После спектакля ему передали пахнущую духами записку: «Я вас жду у моста». Уильям вдыхал дурманящий аромат, исходивший от бумаги, и не мог тронуться с места. Наконец, он стряхнул оцепенение и, выйдя из театра, пошел в сторону ближайшего моста через Темзу. Из-за расположенной неподалеку ярмарки движение через мост было затруднено: телеги, экипажи, кареты, лошади и люди, передвигавшиеся на своих двоих, бурным потоком двигались и в ту, и в другую сторону. Уильям растеряно оглядывался, не понимая, как он сможет увидеть Элизабет в такой толпе.

– Садитесь, – раздался где-то рядом знакомый голос, – садитесь же быстрее.

Дверца остановившейся возле него кареты раскрылась и маленькая, изящная, женская ручка замахала ему, приглашая незамедлительно влезть внутрь.

– Почему я перестала вас видеть у графа? – Элизабет незамедлительно перешла к делу. – Я вам наскучила? Вам надоело мое общество?

– Ну что вы, что вы говорите! – пытался обороняться Уильям. – Я играю в театре, пишу пьесы. Мне просто стало некогда.

– Неправда, – громко шептала Элизабет, – вы все врете. Раньше у вас хватало времени. Просто теперь вы не хотите со мной встречаться.

– Вы не понимаете, Элизабет. Я вернулся в театр и даже вошел в долю, став пайщиком нашего театрального предпри-

ятия.

– Поздравляю, – сказала девушка, поджав губы.

– Вас любит граф. Я не смею с ним соперничать.

– А зря, – Элизабет посмотрела на Уильяма, – вы очень даже привлекательный мужчина. И пишете такие красивые сонеты! Неужели вы хотите сказать, что мы больше не будем видеться? Вы не можете соперничать с графом, а я не могу соперничать с деньгами, которые вы тут, оказывается, во всю зарабатываете вместо того, чтобы встречаться со мной! – она рассержено топнула ножкой.

– Я обещаю появляться у графа, – заверил ее Уильям, – реже, чем раньше, но обещаю приходить.

– Мне и самой сложнее будет бывать у него. Я вам хотела и об этом сказать, – призналась Элизабет. – Теперь я при дворе. В качестве фрейлины королевы приходить в гости к графу я смогу не так часто, как хотелось бы. Я приехала сюда убедиться, что не разонравилась вам.

– Элизабет, вы не разонравитесь мне до конца моих дней! – пылко заверил ее Уильям.

– Прекрасно, – рассмеялась Элизабет. – Тогда я буду присылать вам записки, чтобы вы знали, когда точно можете меня видеть.

– Спасибо, – произнес Уилл. – Я не смел надеяться вновь видеть вас.

– Как видите, зря, – Элизабет снова засмеялась. – Ну а сейчас выходите. Мне надо ехать, а как видите, это будет не

просто, – она махнула перчаткой в сторону запруженного народом моста.

Уильям прикоснулся губами к ее руке и вновь оказался на улице. Его тут же оглушил шум толпы, проходившие мимо люди толкались, пытаясь проложить себе путь, лошади неожиданно начинали ржать прямо у него над ухом, из-под ног с лаем выскакивали собаки, во всю глотку кричали петухи. Но Уильям слышал только голос Элизабет, который чудной мелодией, звучал у него в голове...

С тех пор пахнущие духами записки, написанные впопыхах или, напротив, продуманные и нежные, стали частью его жизни. Он ждал их появления везде: в театре, дома и даже у графа, в доме которого, как и обещал, Уильям снова начал бывать. Кто только ни приносил ему письма: служанки, грязные бродяги, посыльные. А в замке Генри их тайно ему подсовывала в карман сама Элизабет.

Конец 1594 года запомнился Уильяму чередой спектаклей в «Глобусе», огромным количеством гастрольных спектаклей при дворе и постоянным ожиданием встреч с Элизабет. За тот год он написал три пьесы, которые с успехом шли в театре. Единственным человеком, портящим всю картину, был Джеймс, проводящий время от времени занудные, душеспасительные беседы с Уиллом.

– Ты все-таки пытаешься играть с графом, а игра эта заведомо тобой проиграна, – твердил он. – Элизабет интересно с тобой, но лишь потому, что ты человек не ее круга. Ты от-

личаешься от тех, кто ее окружает. Но, когда она привыкнет к тебе, то тут же перестанет тобой интересоваться.

– Я готов видаться с ней ровно столько, сколько она пожелает, – упрямо отвечал Уильям. – Как только Элизабет надоест вся эта игра, я уйду в сторону, и не буду настаивать на продолжении встреч.

– Это ты так сейчас говоришь, – спорил с ним Джеймс, – а стоит Элизабет исчезнуть из твоей жизни, как ты начнешь страдать и пытаться снова ее увидеть.

Уильям понимал, что его друг во многом прав, но не мог ни разлюбить ее, ни заставить себя с ней не видится. Его тревожили собственные мысли и чувства. В худшие моменты он садился писать сонеты, изливая в них свою душу. После он отправлял их Элизабет, которая неизменно хвалила Уильяма, отправляя ему в ответ очередную нежную записку.

Прямо перед Новым годом поздно вечером в дверь Уильяма раздался стук. Он не удивился, но сердце застучало сильнее – обычно по эту пору ему приносили записки от Элизабет Вернон. Он сбегал вниз по лестнице и открыл дверь. Перед ним стояла сама Элизабет. Несмотря на то, что ее лицо было закрыто маской, Уильям сразу ее узнал.

Девушка вбежала в дом, с трудом переводя дыхание.

– Я не стала подъезжать близко к вашему дому, – пробормотала она, снимая маску, – но я не знала точно, где вы живете, пришлось идти довольно долго.

– Это опасно Элизабет. Вам нельзя было так делать, – Уи-

льям не верил своим глазам и думал, что все это ему снится. — По Лондону ходить одному в такое время опасно даже для мужчины.

— Мне было все равно! — она прижалась к нему, дрожа всем телом. — Теперь неизвестно, когда мы в следующий раз увидимся. Королева уезжает на праздники из города. Я должна ехать с ней. Граф тоже будет ее сопровождать. Елизавета любит спектакли. Я постараюсь уговорить ее пригласить вас дать представление во дворце. Но не знаю, не уверена, что у меня получится.

— Я готов ждать столько, сколько понадобится, — Уильям целовал ее волосы, вдыхая их аромат и пытаясь запомнить каждое мгновение этой неожиданной встречи. — Я буду ждать вас, вашу записку, что угодно. Главное, знать, что я по-прежнему вам безразличен.

Они стояли, обнявшись, не смея оторваться друг от друга. Впереди маячила разлука. Мысль о том, сколько она может продлиться, была невыносима для обоих. Даже, если театр приедет давать спектакль лично для королевы, они смогут лишь обменяться взглядами, и только...

В те дни Лондон выглядел по-праздничному ярко и нарядно. Уильям потерянно бродил среди толпы, произвольно выискивая взглядом Элизабет. Утром в театре были репетиции, затем днем они давали спектакль. А вечером, отказываясь присоединиться к друзьям в любимой таверне, он упорно шел на те чистые, красивые улицы, по которым пред-

почитала прогуливаться знать.

Иногда Уильям заходил к Филду, чтобы послушать рассказы друга о том, как идут дела в типографии.

– К тебе не собирается приехать Анна? – как-то спросил его Ричард. – Ей в прошлый раз не очень повезло: из-за чумы тебе пришлось отвезти семью обратно в Стрэтфорд. Но сейчас в городе все в порядке.

– Я не уверен, что Анна вернется в Лондон, – покачал головой Уильям. – Слишком это трудно – путешествовать с детьми по Англии остается пренеприятным занятием.

– Просто, Уилл, тебе бы не повредило, если бы с тобой жила семья. Посмотри на себя. Вот и моя жена говорит: «Слушай, Ричард, Уилл совсем осунулся и сильно похудел. Ему нужна женщина, которая бы за ним смотрела».

– Спасибо за заботу. Но у меня все в порядке. Много работы в конце года, вот и не бывает времени нормально поесть и отдохнуть.

– Смотри, конечно, сам. А выглядишь ты, все-таки, не лучшим образом, – заключил Филд.

Возвращаясь домой, Уильям думал о разговоре с Ричардом. Друг напомнил ему о том, о чем вспоминать вовсе не хотелось. Уильям предпочитал поменьше размышлять о своей семье, оставшейся в Стрэтфорде. Изредка он получал весточки от жены, еще реже писал сам. Он считал, что, регулярно передавая им деньги, поступает честно и благородно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.